

Алекс Ночь

Я НЕ
ПОДПИСЫВАЛАСЬ
НА ЭТО...

ГОРОДСКАЯ...
ПРОБЛЕМ НА МОЮ
ГОЛОВУ...

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
В РАЙ!
(ЕСЛИ ВЫЖИВЕШЬ)

Секретарь на СЕНЕ

или
Как я полюбила козла

Алекс Ночь

Секретарь на сене, или Как я полюбила козла

<https://litres.ru/74504804>

Аннотация

Катрина – переговорщица со стажем и с красным дипломом. Никто не мог ее сломать. Но тут появился ОН. Бизнесмен-отшельник, который ведет дела из избышки на отшибе, ходит в камуфляже и считает, что слово «компромисс» – это китайский иероглиф. Приказ шефа: поезжай в деревню и подпиши контракт. Без подписи не возвращайся. Она приехала на три дня. А там – петухи в шесть утра, интернет на березе, удобства во дворе, и ОН. В первый день она хотела его убить лопатой. На второй день лопата сломалась. На третий она случайно упала в стог сена, он ее вытаскивал. Прошло три недели. Она уже научилась доить козу, разжигать печь, не орать при виде мыши и материться на местном диалекте. А контракт все висит. Командировка становится игрой на выживание. Чтобы не сорвать контракт, ей нужно не убить его. Но что делать, если ее оппонент – несносный, властный и раздражающе красивый брюнет? P.S. Добро пожаловать в деревню, подруга. Контракт уже не важен.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	49
Глава 7	58
Глава 8	70
Глава 9	83
Глава 10	93
Глава 11	103
Глава 12	116
Глава 13	127
Глава 14	140
Глава 15	149
Глава 16	161
Глава 17	173
Глава 18	186
Глава 19	202
Глава 20	215
Конец ознакомительного фрагмента.	217

Глава 1

Катрина – переговорыщица со стажем и с красным дипломом. Никто не мог ее сломать. Но тут появился ОН. Бизнесмен-отшельник, который ведет дела из избушки на отшибе, ходит в камуфляже и считает, что слово «компромисс» - это китайский иероглиф.

Приказ шефа: поезжай в деревню и подпиши контракт. Без подписи не возвращайся. Она приехала на три дня. А там – петухи в шесть утра, интернет на березе, удобства во дворе, и ОН. В первый день она хотела его убить лопатой. На второй день лопата сломалась. На третий она случайно упала в стог сена, он ее вытаскивал. Прошло три недели. Она уже научилась доить козу, разжигать печь, не орать при виде мыши и материться на местном диалекте. А контракт все висит. Командировка становится игрой на выживание. Чтобы не сорвать контракт, ей нужно не убить его. Но что делать, если ее оппонент – неслосный, властный и раздражающе красивый брюнет?

P.S. Добро пожаловать в деревню, подруга. Контракт уже не важен.

Мое утро началось с предательства.

Нет, не с будильника. С предательства собственного организма, который решил, что в полшестого утра – самое время для бодрствования.

Я полежала еще пять минут, глядя в белый натяжной потолок и перечисляя все свои достижения, чтобы не разреваться от бессмысленности бытия. Квартира в центре – есть. Машина – красная, блестит, как ноготь на мизинце стервы. Работа – начальник отдела переговоров в крупной корпорации. Фигура – любая блогерша обзавидуется. В двадцать пять лет, без родителей, без связей, без «папа помог». Сама. Вытащила себя за волосы, как Мюнхгаузен, только без коня и болота.

Я села на кровати, зевнула и поплелась в ванную.

Зеркало в пол меня не обманывало: стройная, русоволосая, глаза серо-зеленые – такие, знаете, бывают у людей, которые никогда не пьют на корпоративах и всегда помнят, где лежат отчеты за прошлый квартал. Волосы до поясницы, густые – моя гордость и моя же проблема, потому что каждое утро на расчесывание уходит семь минут, а за это время можно было бы подписать три договора.

- Доброе утро, красавица, - сказала я своему отражению.

Отражение ответило недоверчивым прищуром. Оно меня знало.

На завтрак – святая святых. Я открыла умный холодильник (подарок себе за контракт с сетью фитнес-клубов) и извлекла идеально ровную тарелку с огурцами, помидорами черри, листьями шпината и кусочком запеченного лосося. Все органическое, все с грядки какой-то тети Глаши, которая, я уверена, живет лучше меня. Никакого кофе – только зеленый чай с имбирем. Никакого сахара – только стевия, которая на вкус как сожаление.

Я жевала огурец и смотрела в окно на утренний мегаполис. Небоскребы, пробки, люди, которые бегут, как муравьи, чтобы к девяти быть на своих местах. Я была королевой этого муравейника. Мои переговоры – это искусство. Я могла убедить продавца мороженого купить шубу. Я могла заставить клиента платить вдвое больше и благодарить за это. Меня боялись конкуренты и обожал шеф. Потому что если уж Катрина Ковальчук взялась за контракт – он будет подписан, даже если ради этого придется пригрозить вражескому директору его собственной коллекцией гномиков.

Да, был случай. Не спрашивайте.

Я доела лосося, вымыла тарелку и оделась. Красное платье-футляр, туфли-лодочки, волосы собраны в высокий хвост – рабочая боевая раскраска. Взяла ключи от своей красавицы – красной «ауди», которая стояла на подземной пар-

ковке как заряженная ракета.

По дороге в офис я слушала подкаст про эффективные сделки и параллельно материла водителя маршрутки, который подрезал меня на повороте. Все как обычно.

Элитный офис на сорок втором этаже встретил меня запахом дорогого кофе и свежих цветов в холле. Секретарша Леночка с наращенными ресницами, которых хватило бы на три пары штор, пискнула:

- Катерина Сергеевна! Вас шеф ждет! Срочно!

- Леночка, я тебе сто раз говорила – «Катрина». Без «е». Я не царица, я переговорщица.

- Ой, простите! – Леночка замахала ресницами, создавая сквозняк.

Я закатила глаза и двинулась в кабинет шефа. Дверь была массивная, дубовая – чтобы все понимали уровень. Я толкнула ее без стука. Мы так давно работали, что стук был как признак слабости.

Внутри царил полумрак. За столом сидел мужчина пятидесяти лет с лицом человека, который только что понял, что

у него украли любимую кружку.

- Ковальчук, - сказал он голосом, не предвещающим ничего хорошего. – Садись.

- Здравствуйте, Виктор Борисыч, - я села в кожаное кресло и скрестила ноги. – Что стряслось? Конкуренты украли наших клиентов? Вы решили уйти в отставку?

- Остроумная, - буркнул он и подвинул ко мне планшет. – Читай.

На экране было досье на какого-то мужика. Фото: брюнет, спортивный, лет тридцати пяти, взгляд как у волка, которому недодали мяса. Имя – Александр Ветров. Место жительства – деревня Задрищенка (название области за тысячи километров отсюда). Род деятельности – удаленный бизнес, логистика, скупка сельхозпродукции. Доход – много. Я бы даже сказала - очень много. Характер – как ерш для унитаза.

- И? – подняла я бровь.

- Мы уже четыре месяца пытаемся заключить с ним контракт на эксклюзивные поставки. Он послал трех наших менеджеров. Одного – в прямом смысле слова послал, тот вернулся с нервным тиком. Второй уволился. Третий запил, -

шеф вздохнул. – Ты – последняя надежда.

- Вы хотите, чтобы я полетела в Задрищенку? – я не поверила своим ушам.

- Хочу, чтобы ты полетела, подписала контракт и вернулась героем. – Он нажал на планшете кнопку, и на экране появилась карта: маленькая точка, вокруг которой только леса и реки. – Другого выхода нет. Он нужен нам как воздух. Без него мы проигрываем тендер на следующий год.

- Виктор Борисыч, я – офисный человек. Мой потолок – это стеклянные перегородки и кофе-пойнт. А там... - я ткнула пальцем в карту. – Там нет даже кнопки «люкс»!

- Значит, научишься жить без кнопок, - отрезал он. – Ковальчук, ты моя звезда. Ты уговаривала сталелитейных магнатов, нефтяных королей, даже того психолога, который кричал, что «все люди – энергия». А тут один мужик в деревне. Что, слабо?

Он сыграл на моем самолюбии. Идеально. Как профессионал.

Я стиснула зубы.

- Билеты?

- Уже заказаны. Вылет через три часа. – Он выдвинул ящик стола и достал желтую папку. – Здесь все: досье, контакты, доверенность. И еще... - он посмотрел мне прямо в глаза. – Не возвращайся без его подписи. Я серьезно, Катрина. Уволю. И всем расскажу, что ты на корпоративе танцевала стриптиз на столе.

- Это был флешмоб! – возмутилась я. – И на мне были два слоя одежды!

- Неважно. Лети.

Я встала, взяла папку и направилась к двери. На пороге обернулась:

- А этот ваш Ветров... он что, реально красивый?

- Очень, - шеф криво усмехнулся. – Но это не поможет. Он ненавидит столичных.

- Ну, значит, у нас будет взаимная ненависть, - я пожала плечами. – Я специалист по ненависти.

В такси по дороге в аэропорт я листала досье. Александр

Ветров, 34 года. Родился в Москве, бизнес, потом бросил все, переехал в деревню. Почему? Не указано.

Я фыркнула.

- Любитель тишины, надо же. А еще любитель ходить без рубашки? – подумала я, разглядывая его фото. – С такими плечами и кубиками пресса не в деревне сидеть, а на обложках журналов красоваться.

Я захлопнула папку.

- Ничего, красавчик, - прошептала я, глядя в окно на улетающие назад высоты. – Ты еще не встречал Катрину Ковальчук. Я любого уговорю. Даже того, кто считает животных лучше людей. Кстати, я тоже люблю животных.

Самолет был небольшой, региональный. Я сидела у окна, сжимая в руке папку. За бортом проплывали облака, потом леса, потом бесконечные зеленые поля. Город исчез. Я еще не знала, что это был последний раз, когда я смотрела на мир с высоты и чувствовала себя хозяйкой жизни.

Я даже не представляла, что меня ждет впереди.

Петухи. Грязь. Морозных колодец. Огромный вредный

мужчина, который с первого взгляда назовет меня «офисной куколкой».

И то, что ни один контракт в мире не заставит меня чувствовать себя такой живой, как его взгляд.

Но об этом – в следующей главе.

А пока я летела в неизвестность, поправляла волосы и думала: «Главное не убить его в первые пять минут. А там уже договоримся».

Глава 2

Если вы думаете, что самое страшное в командировке – это перелет в эконом-классе с ребенком, который пнул ваше кресло сорок семь раз, - вы просто не летали в Задрищенку.

Самолет приземлился в маленьком городке, название которого я забыла через три секунды после того, как прочитала на табло. Аэропорт напоминал гаражный кооператив с вывеской. Одна взлетно-посадочная полоса, одно здание, одна бабушка на входе, которая спросила: «Дочка, а ты чья будешь?»

- Катрина, - ответила я, поправляя хвост. – Приехала по работе.

Она не поняла. Ну, да ладно.

В зале выдачи багажа меня ждал сюрприз. Точнее, отсутствие сюрприза. Мой чемодан прилетел. Слава богу. А вот информации, куда ехать дальше, - нет. Я открыла телефон. Связь – одна палочка, которая, увидев меня, зарыдала и умерла.

- Простите, - подошла я к тетеньке в форме. – Как мне добраться до деревни Задрищенка?

Тетенька (Жанна, как гласил бейджик) оторвалась от семечек. Я не шучу. Семечки. На рабочем месте.

- Ой, милая, - сказала она с сочувствием, от которого у меня свело живот. – А тебе зачем?

- Работа, - бодро ответила я. – Заключить контракт.

- Ну, работа – дело хорошее, - Жанна кивнула на мой чемодан. – Только до Задрищенки тебе на автобусе. Через три часа. Автобус ходит раз в день.

- Через три часа? – я посмотрела на часы. Полдень. – А быстрее?

- Такси? – Жанна задумалась. – Таксис Петрович, конечно, довезет, но он запросит пять тысяч, и половину дороги у него из бензобака капает. И он пьяный обычно после обеда.

- Тогда автобус, - решила я. – Где остановка?

Она махнула рукой в сторону выхода: «На улице. Скамейка там. Только дождь обещали».

Дождь обещали. И он сдержал слово.

Три часа я просидела на ржавой скамейке под козырьком, который защищал ровно от пятнадцати процентов осадков. Мое красное платье-футляр, которое в Москве вызывало зависть и трепет, здесь выглядело как костюм инопланетянина, которого высадили в неполюженном месте. Туфли-лодочки на каблуке хлюпали в лужах. Чемодан на колесиках пытался укатиться в сторону горизонта, но я привязала его ремнем к ножке скамейки.

В голове билась мысль: «Ты переговорщица высшего класса, ты договаривалась с нефтяными магнатами. А сейчас ты сидишь в городе, которого нет на картах, и ждёшь автобус, который, возможно, приедет в виде призрака».

Автобус приехал. Это был не автобус. Это был желтый ПАЗ с надписью «Задрищенка – Раз земной», выведенной краской из баллончика. Окна заклеены скотчем. Одно колесо спущено, но водитель с гордостью заявил:

- Ничего, доедем! На трех колесах и честном слове.

Я села в салон. Запах: смесь солярки, старых портянок и надежды, которая давно умерла. Пассажиры – бабки с ведра-

ми, мужик с гусями (гуси орал так, будто я украла их комбикорм), и я – в красном платье, с чемоданом за пятьдесят тысяч.

- Девушка, а ты не замерзнешь? – спросила бабка с переднего сиденья. – Оно ж у тебя почти голое.

- Это дизайнерская лаконичность, - ответила я, кутаясь в пиджак.

- Лаконичность в деревне до добра не доводит, - бабка хмыкнула и протянула мне вязаный платок. – На, надень. А то уши отморозишь.

Я надела. Выглядела теперь как оперная певица на гастролях в зоне бедствия.

Три часа тряски. Бездорожье – это не метафора, это диагноз. Мы прыгали по ямам, как блоха на сковородке. Я несколько раз ударила головой о потолок, отбила копчик и научилась молиться. Моя прическа превратилась из высокого хвоста в гнездо аиста. Туфли я сняла и держала в руках, потому что на каблуках в таком транспорте можно было сломать шею, даже не выходя из него.

И вот, наконец, деревня.

Задрищенко.

Я прыгнула из автобуса (прыгнула – громко сказано, я вывалилась, как кусок теста из пакета) и огляделась.

Знаете, что я ожидала увидеть? Разруху, пьянь, заборы покосившиеся, грязь по колено. А нет.

Деревня была... чистая. Дома деревянные, но ухоженные, с резными наличниками, крашеные в синий, зеленый, малиновый. Паруса – извините, ставни – на каждом окне. Улицы ровные, с цветами в палисадниках. Где-то лаяла собака, где-то кудахтали куры. Дети на велосипедах – с нормальными лицами, не голодные. Школа – двухэтажная, кирпичная, с флагом на крыше. Детский сад – с пластиковыми горками. Медпункт – белый, аккуратный. Церковь – с золотыми куполами, даже странно для такой глуши. А вдалеке виднелась огромная ферма: коровники, ангары, техника. Колхоз, но явно живой и прибыльный.

- Ничего себе, - сказала я вслух. – Это вам не «Барби на обочине».

Мужик с гусями (которые, наконец, заткнулись) кивнул:

- У нас хорошо, девонька. Только связи нет. И интернета. Вообще. Колодец на центральной площади. Справляться – на улице. Привыкай.

- Я здесь на три дня максимум, - гордо заявила я, вытаскивая чемодан из лужи. – Подпишу контракт – и была такова.

Мужик усмехнулся. Усмешка была такая, что я сразу поняла: меня ждет что-то эпичное.

- Дом Ветрова знаешь? – спросила я. – Мне к нему.

- К Ветрову? - мужик присвистнул. – Ох, смелая ты, девка. Иди прямо по центральной, потом направо, потом мимо дуба, и третий дом с зелеными ставнями. Только его дома нет, он на ферме сейчас.

- Ничего, подожду, - я решительно зашагала по деревенской улице, толкая чемодан перед собой. Колесики радостно застревали на песке. Каблуки (которые я снова надела, дура) проваливались между досок тротуара.

Дом Ветрова нашелся быстро. Зеленые ставни, крыльцо резное, забор – штакетник. Ни души. Я постучала. Тишина. Дернула ручку – заперто.

- Прекрасно, - сказала я небу. – Просто великолепно.

Я постояла минуту. Другую. Солнце начало садиться. Стало холодать. Я подумала: «А может, он скоро придет? Полчаса потерплю».

Через час я сидела на своем чемодане, прислонившись спиной к двери, и смотрела, как звезды зажигаются над Задрищенкой. Звезд было много. Меня это бесило, потому что они напоминали мне, что интернета нет, а я осталась одна в деревне, где туалет – это будка с дыркой в полу.

- Ничего, - шепнула я себе, кутаясь в вязаный платок бабки и свой пиджак. – Я переговорщица. Я сильная. Я могу ждать. Могу даже спать на чемодане. В конце концов, я спала в бизнес-классе в аэропорту Шереметьево, когда рейс задержался на шесть часов. Разница? Там была дюти-фри. Здесь – сверчки.

Сверчки орали так, будто им платили за децибелы.

Я закрыла глаза. Всего на минуточку.

Когда открыла их снова, было уже темно хоть глаз выколи. Холод проник под платье, и я дрожала как осиновый лист. Моя голова свесилась набок, шея затекла, чемодан куда-то

съехал, и я сидела прямо на деревянном полу крыльца, обнимая свои туфли.

И тут – свет. Фары. Гул мотора, но не обычного, а как у танка на минималках. Я подняла голову, растрепанная, с платком на плечах, с размазанной тушью под глазами.

Перед домом остановился УАЗик. Старый, зеленый, весь в грязи, с лебедкой спереди и какими-то канистрами на крыше. Дверца открылась с таким скрипом, будто в ней умирало все живое.

Из машины вышел мужчина.

Высокий. Широкие плечи. Камуфлированные штаны, черная футболка, обтягивающая все, что должно обтягиваться. И лицо... я его узнала. С фотографии в досье. Брюнет, глаза темные, скулы острые, челюсть – как памятник упрямству. Но на фото он был в деловом костюме, а сейчас – в грязи, с усталым, но чертовски привлекательным видом человека, который только что разгрузил тонну сена.

Он посмотрел на меня.

- Вы кто? – спросил он голосом, который мог заморозить чай на расстоянии.

Я попыталась встать с достоинством. У меня не получилось – нога затекла, и я схватилась за перила, чтобы не упасть.

- Катрина Ковальчук, - сказала я, расправляя плечи и пытаясь придать лицу выражение уверенной бизнес-леди, а не сонной курицы. – Представитель корпорации «Альянс». Мы с вами связывались. По поводу контракта. Меня шеф прислал.

Он молчал три секунды. Потом медленно обошел меня, открыл дверь дома и бросил через плечо:

- Я не подписываю контракты с девушками, которые спят на моем крыльце. Это дурная примета.

И скрылся внутри, не пригласив меня заходить.

Я осталась стоять на улице, в платке, грязных туфлях и с чувством, что эта командировка только начинается.

- Так, - сказала я в темноту. – Значит, война.

Дверь дома не открылась.

Я постучала. Громко.

- Пожалуйста, - тихо добавила про себя. – Впустите меня.

Я села обратно на чемодан и принялась ждать. Снова.

- Добро пожаловать в Задрищенку, Кэт, - прошептала я. –
Здесь даже звезды смеются над тобой.

И сверчки, кажется, засмеялись тоже.

Глава 3

Я просидела на крыльце еще час.

Час. Шестьдесят минут. Три тысячи шестьсот секунд, каждая из которых была длиннее, чем мой последний роман (а он, напомним, длился два месяца и закончился тем, что я удалила его номер после фразы «ты слишком много работаешь»).

Холод пробирался под платок, под пиджак, под платье, и даже моя целеустремленность начала покрываться инеем. Чемодан подо мной жалобно скрипел. Звезды светили нагло, как будто дразнили: «А помнишь свою квартиру с подогревом полов, Кэт? Помнишь?»

- Не помню, - прошептала я в пустоту. – Я – дитя природы. Я все выдержу.

Дверь открылась.

Он стоял на пороге, скрестив руки на груди. Футболка сменилась на серую толстовку, но это не сделало его менее устрашающим. Наоборот, в толстовке он выглядел как мед-

ведь, которого разбудили зимой.

- Вы все еще здесь, - сказал он без интонации.

- А вы все еще не подписали контракт, - парировала я, пытаюсь встать с чемодана с грацией балерины.

Получилась грация пингвина на льду.

Он посмотрел на мои дрожащие колени, на платок, на размазанную тушь. Я заметила этот взгляд. В нем не было жалости. Там было любопытство. Как у кота, который смотрит на мышь, которая пытается изобразить из себя льва.

- Чего вы хотите добиться? – спросил он. – Сидите на холоде у моего дома. Что это? Протест? Ритуал вызова дождя? Я и так знаю, что завтра будет дождь.

Он еще и метеоролог.

Я выпрямилась, отряхнула платье и нацепила самую обаятельную улыбку, какую только могла выдавить из замерзшего лица.

- Александр, можно Саша? – начала я своим самым мягким голосом, тем, которым обычно уговаривала клиентов

снизить цену на двадцать процентов.

- Нет, - отрезал он.

- Александр, - поправились я, не сбавляя градуса сладости. – Понимаете, я проделала тысячи километров. Самолет, автобус, этот... ПАЗ с гусями. У меня нет связи, нет интернета, нет даже нормальной розетки. Я замерзла, я голодна, у меня, кажется, начинается кашель, - я приложила руку к горлу и сделала страдальческое лицо. – А завтра мне снова ехать обратно, и все безрезультатно. Вы же не хотите, чтобы девушка в таком платье простудилась и умерла на вашем крыльце, а потом вашу деревню показывали в передаче «Жди меня»?

Я даже глазами похлопала. Те самые серо-зеленые глаза, которые в Москве плавил лед в сердцах самых суровых переговорщиков.

Он смотрел на меня. Молча. Три секунды. Пять. Десять.

Потом уголок его губ дернулся. Один раз. Я почти приняла это за улыбку, но поняла, что это – усмешка.

- У вас очень навязчивая манера давить на жалость, - сказал он спокойно. – Но я ее не покупаю. Вы выглядите так, будто сожрали на завтрак кирпич и запили его карьеризмом.

Простыть вы не можете. Вы – терминатор в туфлях.

Я опешила. Терминатор в туфлях? Это комплимент? Или оскорбление?

- Я просто очень целеустремленная, - выдавила я, меняя тактику. Теперь в ход пошла уязвимость. Опустила плечи, скрестила руки на груди (показать, что мерзну), и добавила тихо: И вообще, у меня родителей нет. Я одна. В двадцать лет их не стало. И я всего добилась сама. А теперь меня отправили в глушь, и я сижу на холодном крыльце и понимаю, что никто меня здесь не ждет и никто не поможет.

Голос дрогнул. Настоящая дрожь. Потому что это было правдой. Не хотелось использовать это как манипуляцию, но, черт возьми, когда оружие под рукой – почему бы не выстрелить?

Молчал он долго. Потом сказал:

- Родителей жаль. А манипуляции – нет. Заходите. Переночуете. Но контракт это не приблизит.

Он развернулся и ушел в дом, оставив дверь открытой.

Я схватила чемодан и влетела внутрь быстрее, чем он

успел передумать.

Дом внутри был... другим.

Я ожидала берлогу холостяка с грязными носками на люстре и засохшей кашей в кастрюле. А тут было чисто. Уютно. Деревенский дух – и это не про запах навоза, а про дерево: стены из теплых бревен, полы скрипучие, но надраенные. В углу – русская печь, белая, пузатая, от которой шло такое тепло, что я мгновенно оттаяла. На подоконниках – герань в горшках. На стенах – вышитые полотенца и старые фотографии в деревянных рамках. Ни телевизора. Ни микроволновки. Ни даже намека на вай-фай. Вместо люстры – керосиновая лампа, которая мягко освещала комнату желтым светом.

В центре зала стоял большой деревянный стол, покрытый льняной скатертью. На столе – самовар. Самовар! Я видела такие только в музее и у бабушек в кино про войну.

А еще пахло хлебом, сушеными травами и, кажется, чем-то яблочным.

- Ничего себе, - выдохнула я. – Вы, наверное, еще и мед сами собираете, и валенки валяете по ночам?

Он не ответил. Прошел в соседнюю комнату и вернулся

с подушкой и пледом. Плед был шерстяной, клетчатый, пахнувший лавандой.

- Диван твой, - сказал он, кивая на старый, но ухоженный диван у печки. – Подушка здесь. Печь я затопил, до утра хватит. Умыться – во дворе рукомойник. Туалет – прости, на улице. Лучше иди с фонариком.

Он протянул мне маленький светодиодный фонарик. Единственная современная вещь в доме.

- Спасибо, - сказала я искренне. – Вы не такой уж и злой.

- Я злой, - ответил он, направляясь в свою комнату. – Просто устал сегодня. Завтра буду злым снова. Спокойной ночи.

Дверь за ним закрылась. Не громко, но отчетливо.

Я осталась одна в незнакомом доме, посреди деревни без связи, с одним фонариком и контрактом, который таял на глазах.

Но я была в тепле.

Я расстелила плед, положила подушку с села на диван. Туфли сняла. Ноги гудели. Я посмотрела на свои ступни в

синих венках от усталости и подумала: «Ты прошла ад, Кэт. Дальше будет легче. Или тяжелее. Но ты справишься».

Я завернулась в плед, как кокон. Печь уютно потрескивала. Где-то за стеной он ходил, потом лег. Тишина.

И тут в моей голове щелкнуло.

- Так, - прошептала я в темноту. – План.

План был прост. И гениален. Как все гениальное.

Он холодный? Значит, я буду теплой и милой. Улыбки, комплименты, предложения помочь по хозяйству. Пусть думает, что я сдалась и стала паинькой. Мужчины любят, когда их гладят по шерстке.

Завтра утром я выложу перед ним все выгоды контракта как веер. Цифры, графики, прогнозы. Я подготовила презентацию, даже без проектора объясню на салфетках. Он бизнесмен, черт возьми, он должен понимать выгоду!

Может быть, он не подпишет все сразу. Я попрошу подписать хотя бы предварительное соглашение. Или меморандум. Или просто бумажку, что он не против сотрудничества. Главное – начать.

Он пустил меня в дом. Значит, я ему хоть чуть-чуть, но симпатична. Завтра я проснусь рано, приведу себя в порядок и буду сиять. Пусть видит, что я не только переговорщица, но и красивая женщина. А красавицами сложнее манипулировать? Нет, красавицы сами манипулируют.

Если ничего не сработает, я скажу, что меня уволят и выелят из квартиры, и я пойду работать в заведения быстрого питания. И заплачу. Настоящими слезами. Я умею их выдавливать, если очень надо.

Перевернулась на другой бок. Плед сполз. Печка стрельнула угольком.

- Он подпишет, - сказала я себе. – Он подпишет, даже если мне придется украсть его руку с подписью и приложить к бумаге. Или влюбить его. Или то, или другое.

Я закрыла глаза. В голове крутится его усмешка. Та самая, когда он сказал «терминатор».

- Терминатор, значит, - пробормотала я, засыпая. – Ничего. Я еще покажу тебе, на что способен терминатор. В юбке.

И мне приснился УАЗик, который говорил человеческим

голосом: «Катрина, ты дура, зачем ты сюда приехала?»»

Утром я проснулась от крика петуха. Настоящего. Живого. Который орал прямо под окном.

Глава 4

Я проснулась в шесть утра. Добровольно. Сама. Без будильника, без кафе, без чувства, что меня переехал поезд. Потому что в Задрищенке, оказывается, есть свой будильник – местный петух. И это не тот вялый городской петух, который «ку-ка-ре-ку» через раз. Этот орал так, будто ему платили за каждую проданную деревню.

Я села на диване, расправила плечи и оглядела себя. Платье помялось. Волосы превратились в соломенное гнездо, в котором, казалось, уже поселилась какая-то мышь. Тушь под глазами создавала эффект «я не спала три дня и готова убить». В общем, боевой вид.

- Боевой – не значит красивый, - сказала я себе и достала косметичку.

Я пошла умываться. Во двор. К рукомойнику. Под открытым небом. С фонариком. Если вы никогда не умывались холодной водой на улице в шесть утра, когда вокруг кудахчут куры и где-то мычит корова, - вы не жили. Я теперь жила. Дважды.

Вернувшись в дом, я нанесла боевой раскрас. База, консилер, тени (серо-зеленые под цвет глаз), подводка, тушь – все, как учили в школе переговоров: «Клиент должен видеть, что вы контролируете ситуацию, даже если контролируете только свою тушь». Расчесала волосы и заплела в косу. Длинную, русскую, почти народную. Получился образ «офисный планктон в ссылке».

Семь утра. Я сидела на диване, сложив руки на коленях, и ждала. Печка еще дышала теплом. В доме было тихо. За стеной – ни звука. Он спал.

- Ничего, - прошептала я, - сейчас я его разбуджу своим энтузиазмом.

Восемь утра. Он не проснулся.

- Может, он вообще не встает до обеда? – предположила я. – Мужик, дом, глушь – бездельник, наверное. Лежит себе и пузо чешет.

Я начала ерзать. Контракт лежал в папке, папка – в чемодане. Я перечитала его три раза. Потом перечитала досье на него. «Встает рано» - было написано в досье. Вранье. С утра пораньше в Задрищенке встают только петухи и я.

Девять утра. Я уже начала подозревать, что он сбежал через окно, чтобы не иметь со мной дела. Я уже представляла, как звоню шефу (связи нет, но я бы представила): «Виктор Борисыч, объект скрылся. Ведется поиск. Предположительно, в лесу, с медведями. Контракт под угрозой».

И тут входная дверь открылась.

Он вошел с улицы.

Свежий, бодрый, в той же серой толстовке, но без капюшона. Волосы чуть влажные – видимо, умывался во дворе. Щетина – легкая, небритость, которая в городе называется «стильный небрежный вид», а здесь – «просто не брился». Он нес охапку дров и выглядел так, будто уже переделал кучу дел.

Я вскочила.

- Вы... вы не спите?

- А зачем мне спать? – он бросил дрова в поленницу у печи. – Я встаю в пять. Уже покормил скотину, проверил ферму, напил дров. А вы, я смотрю, тоже встали. Рано для городского человека.

- Я встала в шесть! – гордо заявила я. – И ждала вас целых три часа.

- Зачем? – он поднял бровь. – Чтобы посмотреть, как я сплю? Это странное хобби.

- Чтобы начать переговоры! – я схватила папку с контрактом и ткнула ею в его сторону. – Мы с вами должны заключить сделку. Я здесь по поручению.

Он медленно вытер руки о тряпку, висящую на печи, и посмотрел на меня. Взгляд – как лазерный уровень: ровный, холодный, идущий прямо в цель.

- Катрина, - сказал он (я вздрогнула – он запомнил мое имя!). – Я уже сказал. Я не подписываю контракты с девушками, которые спят на моем крыльце. И вообще не подписываю контракты под давлением. Так что собирайте чемодан. Автобус через два часа.

Он развернулся к печи, давая понять, что разговор окончен.

Но я была не из тех, кто сдается.

Я перешла в наступление.

- Нет, - сказала я, уперев руки в бока. – Я не уйду. Вы не понимаете. Мой шеф сказал: «Не возвращайся без подписи». У меня нет выбора. Вы можете быть сколь угодно суровым деревенским отшельником, но я упрямее.

- Упрямее? – он обернулся. В голосе зазвучали нотки интереса. Или это было предупреждение?

- Я рано потеряла родителей, - продолжила я, не моргнув глазом. – В двадцать лет осталась одна. И добилаь всего сама. Знаете, сколько раз мне говорили «нет»? Знаете, сколько раз я слышала «Катрина, это не возможно»? А потом подписывали контракты с мокрыми подписями. Так что ваше «нет» - это просто очередное «да», которое еще не созрело.

Он подошел ко мне вплотную. Ближе, чем позволяли правила делового этикета. Так близко, что я почувствовала запах дров и морозной свежести.

- А как ты собираешься превращать моё «нет» в «да»? – спросил он тихо. – Будешь жить у меня? Спать в моем диване? Ходить за мной хвостом? Потому что я не из тех, кто меняет решение после пары красивых глаз и длинной косы.

Я промолчала про красивые глаза – он меня этим обез-

оружил.

- Я буду убедительной, - выдавила я.

- Убедительной? – он отступил и вдруг... улыбнулся. Странно. Не так, как раньше – усмешка углом рта. А широко, почти по-доброму, но с таким прищуром, от которого у меня по спине побежали мурашки. – Знаешь что, Кэтрин...

- Катрина, - поправила я.

- Катрина, - повторил он, и его улыбка стала еще шире. – Я сделаю тебе встречное предложение.

Я насторожилась. Встречные предложения – моя территория. Это я их делаю, а не мне.

- Выкладывайте, - сказала я, скрестив руки на груди.

Он прислонился плечом к косяку и скрестил руки в ответ – как зеркало.

- Ты остаешься здесь на месяц. Живешь в моем доме. Делаешь все, что я скажу. Без капризов, без «я столичная штучка, мне пальчик отдавили». Полностью подчиняешься моим правилам. Если выдержишь месяц – я подписываю твой кон-

тракт. Не выдержишь – уезжаешь навсегда и больше никогда меня не трогаешь.

Я раскрыла рот. Закрыла. Снова открыла.

- Месяц?!

- Месяц, - кивнул он. – Тридцать дней. Думаю, для такой упрямой девушки, как ты, это легко. Или слабо?

Он сыграл на моем самолюбии. Снова. Как шеф. Оказывается, люди в Задрищенке тоже умеют нажимать на нужные кнопки.

«Идиотка, не соглашайся! – закричал внутренний голос. – Это ловушка! Он будет тебя мучить! Он заставит тебя копать картошку и доить коз!»

Но другой внутренний голос (очевидно, отвечающий за авантюры и разрушение жизни) сказал: «Месяц – это пустяк. Какой-то месяц с вредным красавчиком. Контракт почти в кармане. Соглашайся».

Я посмотрела на него. Он смотрел на меня. У него в глазах плясали черти. А в моих – бесы.

- Согласна, - сказала я. – Но с условием: ты не имеешь права меня выгонять. И насильно трогать. И унижать. И заставлять делать незаконные вещи.

- Ты в моем доме, - он усмехнулся. – Здесь нет ничего незаконного. Кроме самогона в погребе. Но тебе он не понадобится.

Он выпрямился и пошел к двери. На пороге обернулся:

- Отлично. Тогда первое задание.

Я напряглась. Сейчас он скажет: «Помой полы», или «Наруби дров», или «Свари борщ из топора». Я приготовилась возражать.

- Ложитесь обратно спать, - сказал он. – И не путайтесь под ногами.

Я моргнула.

- Что?

- Спать. Вы выглядите так, будто вас ночью пожевали и выплюнули. Отдыхайте. Я на ферму. До обеда. Не вставайте. Не готовьте. Не трогайте ничего. Спать – это приказ.

Он вышел. Дверь закрылась.

Я осталась стоять посреди комнаты, сжимая в руках контракт, с накрашенными глазами, с косой, с полным боекомплектom убеждения.

- Он что... он что, отправил меня спать? – прошептала я.

Я посмотрела на диван, не снимая косметики, не раздеваясь, и натянула плед до подбородка.

- Я выплусь, - сказала я себе, закрывая глаза, - а потом покажу ему, кто тут главный. Я... я такая... я...

Я заснула на полуслове, с улыбкой идиотки, которая только что добровольно подписалась на тридцать дней рабства у красивого, высокомерного мужчины в глухой деревне без связи.

Во сне мне приснилось, что я таки подписала контракт. И почему-то он был на бланке свидетельства о браке.

Я проснулась в ужасе.

Но было уже поздно. Все только начиналось.

Глава 5

Сон был прекрасным. Мне снилось, что я сижу в СПА-салоне, мне делают шоколадное обертывание, а рядом стоит шеф и аплодирует: «Катрина, вы гений! Вы подписали контракт с самим дьяволом!» Потом дьяволом оказался он, Александр, но в смокинге, и протягивал мне ручку.

«Подпишите здесь», - говорил он, указывая на... свидетельство о браке.

Я проснулась с криком.

- Не подпишу! – вырвалось у меня.

- Что, ужасы снятся? – раздался голос прямо над ухом.

Я подскочила на диване как ужаленная и ударилась головой обо что-то твердое. Оказалось, о его плечо. Он сидел на краю дивана, подперев голову рукой, и смотрел на меня с выражением, которое я не могла расшифровать: то ли насмешка, то ли искреннее любопытство. Он сидел так близко, что я видела каждую ресницу. А они у него были длиннее моих. Несправедливость вселенского масштаба.

- Я... нет, - пробормотала я, отодвигаясь и натягивая плед до подбородка. – Все нормально. Просто вы... просто ты стоишь слишком быстро.

- Я сижу, - поправил он. – И уже полминуты. Ты спала как сурок. Даже храпела.

- Я не храплю! – возмутилась я, хотя понятия не имела, храплю ли. На всякий случай решила обидеться. – Что за неуважение к деловому партнеру?

- Ты пока не партнер, - он поднялся. – Ты – испытательный срок. Иди умывайся. Обед готов.

Я села, поправила косу (она превратилась в мочалку), потерла глаза и вдруг почувствовала запах. С ума сойти. Запах борща. Настоящего, наваристого, с чесноком и свежей зеленью. Мой желудок издал звук, похожий на рык тигра.

- Вы... ты умеешь готовить? – спросила я, не веря.

- Я умею выживать, - ответил он уже из-за печи. – А борщ – это база.

Я сходилa умылась (снова холодная вода, снова куры, снова я проклиная день, когда согласилась на эту командировку), вернулась и села за стол. Стол был накрыт льняной скатертью, стояла глубокая тарелка с борщом, рядом – сметана в глиняной кружке, черный хлеб, нарезанный толстыми ломтями, и зеленый лук в отдельной плошке.

Я сделала первый глоток.

Боже мой.

Это было нечто. Мясо таяло во рту, свекла давала сладость, картошка – нежность. Я ела и не могла остановиться. Забыла про правильное питание, про огурцы на завтрак, про стевию. Я хлебала борщ, причмокивая и макая хлеб в сметану.

- Не торопись, - он сидел напротив и смотрел на меня с

легкой брезгливостью. – Я не отниму. Хотя, глядя на тебя, кажется, что ты голодала неделю.

- Я не голодала, - ответила я с набитым ртом. – Просто... это вкусно. Спасибо.

Он ничего не ответил, только пододвинул ко мне хлебницу.

Когда борщ закончился (я вытерла тарелку хлебом – да, я сделала это, пусть запишут в протокол), Александр встал и сказал:

- Хорошо. Отдохнула? Теперь работа.

- Какая работа? – я насторожилась.

- В огороде, - он кивнул в сторону окна. – Грядки копать.

Я подумала, что ослышалась.

- Грядки? Копать? Я?

- Ты, ты. Или ты думала, что месяц в моем доме – это чай с печеньками и душевные беседы? – он взял с вешалки старую телогрейку и протянул мне. – Надевай. И выходи. Я покажу, что делать.

- Я не буду это надевать! – я отшатнулась от телогрейки, как от змеи. – У меня деловой стиль! Я вообще-то на деловую встречу приехала!

- Ну так копай в деловом стиле, - он пожал плечами и вышел, оставив дверь открытой.

Я постояла минуту. Потом еще минуту. Потом выглянула в окно. Он уже стоял у забора с лопатой, загорелый, спокойный, абсолютно уверенный в себе. Ветер трепал его волосы,

и выглядел он как герой любовного романа. А я должна была выйти к нему... в чем?

В моем платье. В туфлях-лодочках. С косой. И копать грядки.

- Ну и черт с ними, - сказала я и вышла.

Сцена была эпичной.

Я переступила порог дома и ступила на землю. Туфля утонула в рыхлой почве по щиколотку. Я сделала еще шаг – вторая утонула. Идти было невозможно. Каблук проваливался, носок зарывался, и я передвигалась как цапля по болоту: высоко поднимая ноги и дико ругаясь шепотом. Я выглядела как уборщица на корпоративе.

Участок был метров двадцать в длину, с черной, влажной землей, и уже были видны какие-то грядки – то ли картошка, то ли морковь, я не разбиралась.

Александр сунул мне лопату. Обычную, штыковую, с длинным черенком. Лопата была тяжелая – я едва удержала.

- Видишь эту полоску? – он показал рукой на участок не вспаханной земли. – Нужно перекопать, потом бороновать граблями, потом сделать лунки. Я покажу.

Он взял свою лопату, воткнул в землю, нажал ногой, перевернул пласт. Одно движение – и земля легла как пух. Все просто. Элегантно. Даже красиво.

- Теперь ты, - сказал он, отойдя.

Я встала напротив своего участка. Воткнула лопату. Нажала. Лопата не вошла.

- Сильнее, - сказал он.

Я надавила изо всех сил. Лопата вошла на два сантиметра.

- Ты серьезно? – он скрестил руки. – Я знаю детей, которые лучше копают.

- Я не копатель! – заорала я. – И вообще, где здесь человеческое отношение? Я только приехала!

- Месяц, - напомнил он и улыбнулся. – Ты согласилась.

Я стиснула зубы. Воткнула лопату снова, прыгнула на нее обеими ногами. Лопата ушла по самый черенок. Я попыталась вытащить – не смогла. Дернула – лопата не поддавалась. Я закричала, уперлась ногами в землю и потянула. Платье задралось. Туфли съехали. Коса развязалась и упала на лицо.

В этот момент я была похожа на героиню фильма ужасов, которую засосало болото.

- Помогите, - простонала я.

Он вздохнул, подошел, одной рукой выдернул лопату из земли и протянул обратно.

Следующие два часа были адом. Я копала. Я кричала. Я материлась (на его счастье – мысленно). Платье было перепачкано землей, туфли напоминали куски глины. На руках появились мозоли. На лице – размазанная косметика, потому что я вытирала пот прямо так, не думая.

Он стоял в стороне, время от времени давая советы:

- Глубже. Не наклоняйся так, спину сорвешь. Дыши ровнее. Зачем ты в туфлях? Сними их.

- Не сниму! – крикнула я. – И вообще, я протестую против

каторжного труда!

- Протест зачитан, - он зевнул. – Но грядки докопать надо.

К концу второго часа я превратилась в земляное чудовище. Волосы торчали во все стороны, как провода. Под глазами потекла тушь – я выглядела как панда-алкоголик. И я сидела прямо на грядке, обхватив колени, с лопатой в руках, и понимала, что моя жизнь достигла дна.

Он подошел, посмотрел на меня и вдруг... засмеялся. Впервые. Громко, искренне, запрокинув голову.

- Ты похожа на пугало, - сказал он отсмеявшись. – Сногсшибательное пугало.

- Я рада, что вы развлекаетесь, - буркнула я, откидывая волосы с лица грязной рукой.

Глава 6

Я думала, что копать грядки – это самое страшное, что может случиться с девушкой в туфлях-лодочках. Я ошибалась. Это было только начало. Прелюдия. Та самая минута затишья перед тем, как ад включит конвекцию.

Когда я вернулась с огорода, грязная, мокрая и с пульсирующей болью в спине, он сидел на крыльце и пил чай. Просто сидел. Просто пил чай. Из блюда. Как будто только что не наблюдал, как я вгрызаюсь в землю своими тонкими ручками.

- Молодец, - сказал он, когда я прошла мимо, тяжело дыша. – Перерыв десять минут. Потом польешь теплицу.

Я остановилась. Медленно повернулась. Посмотрела на него.

- Теплицу? – переспросила я голосом, который мог заморозить кипятком.

- Теплицу, - кивнул он. – Огурцы. Помидоры. Перцы. Все просит пить. Ты же хочешь есть? Вот и работай.

Я промолчала. Потому что если бы я открыла рот, оттуда вылетело бы такое, что местная церковь начала бы экзорцизм.

В теплице было душно. Пахло землей, удобрениями и моим отчаянием. Лейка оказалась тяжелой – пластиковая, на десять литров, полная воды. Я таскала ее туда-сюда, поливая каждый куст. Пот заливал глаза. Коса давно превратилась в мочалку, которую я замотала в узел на затылке. Туфли я все-таки сняла – и теперь мои ноги в тонких колготках хлюпали по мокрому полу.

Он зашел в теплицу через двадцать минут, посмотрел на мои старания и сказал:

- Ты заливаешь корни. Надо под корень, а не по листьям. Бестолковая.

- Я не бестолковая, - процедила я, сжимая ручку лейки так, что побелели костяшки.

Он поправил лейку в моих руках.

- Смотри. Аккуратно. Вокруг стебля. Не торопись.

Я чувствовала его дыхание у себя за спиной. Это бесило вдвойне.

Полив закончился. Я вышла из теплицы, шатаясь, и села на траву.

- Отлично, - он хлопнул в ладоши, как тренер в спортзале.
- Теперь прополка. Морковь и свекла. Покажешь себя?

Я подняла на него глаза. У него было лицо человека, который искренне получает удовольствие от процесса. Моей муки.

- Ты специально, да? – спросила я тихо. – Хочешь, чтобы я сдалась?

- Хочу, - он не стал отрицать. – Ты мне не нужна. Твой контракт – тоже. Но раз уж ты сама вызвалась на месяц... я просто ускорю процесс твоего естественного отбора.

- Не дожدهшься, - я встала, отряхнула коленки и направилась к грядкам. – Показывай свою морковь.

Прополка – это ад для всех, кто не отличает сорняк от культурного растения. Я выдирала все подряд. Он ходил за мной и комментировал:

- Это не сорняк, это укроп. Оставь. А это – сорняк, но ты его не заметила. Смотри внимательнее. Нет, не так. Господи, ну как с тобой работать?

- А никак! – я выпрямилась и швырнула пучок вырванной травы в сторону. – Я не просила работать! Ты меня заставил!

- Ты сама согласилась, - напомнил он. – И кстати, сегодня еще нужно наколоть дров. И покормить кур. И прибрать в доме. И помыть полы.

Я замерла. Лопата, которой я полола (да, я полола лопатой, потому что тяпки не нашлось), была в моей руке. Она весила примерно столько же, сколько мое чувство справедливости. И в этот момент я очень остро, до дрожи в коленях, захотела ею воспользоваться.

Не для прополки.

Я представила, как замахиваюсь. Как он падает. Как я потом говорю судье: «Это была самооборона». Но в моем воображении почему-то он не падал. Он смеялся. Как тогда. И от этого смеха хотелось убить его еще сильнее.

- Хорошо, - сказала я вслух с улыбкой, которая стоила мне

колоссальных усилий. – Я все сделаю. Дрова. Кур. Полы. Что угодно. Я здесь до победного, Александр.

Он склонил голову набок, прищурился.

- Ты злишься.

- Нисколько, - ответила я, продолжая улыбаться. Лопата в моих руках мелко дрожала. – Я абсолютно спокойна.

- Ладно. Дрова вон там, за сараем. Топор висит на стене. Не отруби себе ногу.

Он ушел в дом, а я осталась стоять с лопатой и пересчитывать в уме до десяти. До ста. До тысячи.

- Ты не убьешь его, - прошептала я себе. – Ты умная девочка. Ты переговорщица. Ты – дипломат. Дипломаты не убивают. Они договариваются.

Лопата не соглашалась. Она тянула мою руку в его сторону.

Колка дров – это отдельный вид спорта для экстремалов. Я никогда в жизни не держала топор. Дрова не кололись. Они отскакивали. Топор застревал. Я обливалась потом, ругалась

матом (про себя), и на каждый неудачный удар представляла вместо полена его голову.

Бум – и ты не подписал контракт. Бум – и ты заставлял меня поливать огурцы. Бум – и ты, и твои грядки.

Через час у меня была гора расколотых дров, мозоль размером с пятирублевую монету и абсолютная уверенность, что я смогу работать на стройке, если контракт не подпишут.

Я принесла охапку в дом. Он сидел за столом и чинил что-то (какую-то деревянную штуковину, мне было все равно).

- Положи в поленницу, - сказал он не глядя.

- Положила.

- Теперь куры.

- Где куры?

- Во дворе. Зерно в мешке у сарая. Кидай горстями. Не перекармливай.

Я пошла кормить кур. Они были противные. Клевались. Я боялась, что они меня заклюют, и я умру нелепой смертью

в деревне Задрищенка, и в газетах напишут: «Столичная переговорщица пала жертвой домашней птицы».

Потом я мыла полы. Руками. Тряпкой. Ведром. Потому что у него не было швабры. Я ползала на четвереньках и думала: «Что я делаю со своей жизнью? Я топ-менеджер. А сейчас я похожа на домработницу».

К вечеру я валилась с ног. Он посмотрел на меня, на часы и сказал:

- Сегодня неплохо. Завтра будем красить забор. И чистить хлев.

Я не стала спорить. Сил не было. Просто кивнула, взяла свою кружку с чаем, села на диван и уставилась в одну точку.

Он сел напротив.

- Устала?

- Нет.

- Врешь.

Да, - призналась я, не поднимая глаз. – Устала. Но я не

сдамся.

Он молчал. Я чувствовала его взгляд. Тяжелый, изучающий.

- Знаешь, - сказал он наконец, - я думал, ты уедешь уже после теплицы. Или после кур. Ты не такая, как другие.

- А кто другие? – спросила я, поднимая глаза.

- Те, кто приезжали до тебя, - он пожал плечами. – Трое. Все сдались на второй день. Один даже чемодан забыл.

- Я не сдамся, - я зевнула. – Ты хочешь меня заморить работой? Давай. У меня упрямства на десятерых.

Он улыбнулся. Той самой странной улыбкой, от которой я не понимала – то ли он меня уважает, то ли насмехается.

- Посмотрим, - сказал он и ушел к себе.

А я сидела и сжимала кружку так, будто это была его шея.

- Я убью тебя, Александр Ветров, - прошептала я. – Лопатой. Или поленом. Или закопаю в твоей же морковке. Но сначала – подпишу контракт.

В тот же вечер я мылась в бане. Первый раз в жизни. Вениками. Жарко. Парно. Страшно. Но отмылась так, как будто меня заново родили.

А перед сном, сидя на диване с кружкой травяного чая, я смотрела на свои мозолистые руки и думала: «Тридцать дней. Тридцать дней этого ада. Контракт стоит того».

- Стоит того, - повторила я вслух, что бы поверить.

Где-то за стеной зашуршал Александр. Потом стена скрипнула – он, видимо, лег.

Я поставила кружку, закуталась в плед и стала планировать завтрашний день. Как бы сделать вид, что я не хочу его убить. Как бы улыбаться, когда внутри все кипит. Как бы копать, полоть, красить и не сломаться.

- Ты сильная, Кэт, - сказала я себе. – Ты выдержишь его.

Печка трещала. Я закрыла глаза.

Завтра будет новый день. Завтра я снова его ненавижу.

Глава 7

Я спала и видела сон. Хороший сон. Мне снилось, что я вернулась в Москву, сижу в своем любимом кафе, пью кофе с корицей, а рядом нет ни грядок, ни кур, ни одно вредного брюнета. Только шеф, который вручает мне премию и говорит: «Катрина, вы гений. Контракт подписан. Можете отдохнуть недельку в Таиланде».

Я уже почти взяла билеты, как вдруг...

- Подъем.

Голос прозвучал прямо надо мной. Громкий, четкий, безжалостный – как выстрел из пистолета.

Я открыла глаза, и первое что вижу – его. Он стоял рядом, скрестив руки на груди. Его темные глаза смотрели на меня с выражением, которое я определила как «терпение лопнула еще вчера, но ты еще здесь, поэтому я продолжу мучить».

- Который час? – прохрипела я, пытаюсь нашарить плед.

Плед куда-то сполз, и я лежала как сельдь в банке, задрав

ноги на подлокотник.

- Пять тридцать, - ответил он. – Я уже покормил скотину, напил дров и приготовил завтрак. А ты дрыхнешь. Так не пойдет.

- Пять тридцать? – я села на диване, и моя голова закружилась от возмущения. – Вы... ты в своем уме? Люди в такое время только ложатся! Особенно после того, как вчера ползали на четвереньках и мыли чужие полы!

- Люди в моем доме встают в пять, - он развернулся и пошел к печке. – Завтрак через десять минут. Сегодня много работы. Я составил список.

- Список? – я свесила ноги с дивана и тут же пожалела. Каждый мускул моего тела издал звук, похожий на скрип несмазанной телеги. Поясница ныла. Руки дрожали. Мозоль на ладони пульсировала в такт сердцу.

Он вернулся и протянул мне лист бумаги. Обычный тетрадный лист, исписанный четким, даже каким-то каллиграфическим почерком. Я прочла список и мне захотелось заплакать.

Список работ на день:

1. Помыть окна (все).
2. Прополоть оставшиеся грядки.
3. Покрасить забор.
4. Покормить кур, собрать яйца.
5. Помыть полы (заново, потому что вчера ты сделала плохо).
6. Сварить ужин.
7. Наколоть дров на три дня.

- Это шутка? – я подняла на него глаза.

Его лицо было серьезным, как у врача, сообщающего плохие новости.

- Я не шучу, Катрина. Ты согласилась на месяц. Месяц – это тридцать дней. Тридцать дней работы. Или ты думала, что будешь лежать на диване и строить мне глазки?

- Я не строю глазки! – я вскочила, забыв о боли.

Он пожал плечами и направился к выходу.

- Завтрак на столе. Каша.

Дверь за ним закрылась. Я осталась одна с листком бумаги, с горячей ненавистью в груди и с полным отсутствием сил.

- Я убью его, - прошептала я, сжимая список в руке. – Я убью его и закопаю в огороде. Прямо под морковкой, которую я вчера полола.

Но внутренний голос, который, видимо, тоже переехал в Задрищенку, сказал: «Сначала завтрак. На голодный желудок убивать плохая примета».

Я поплелась умываться. На улице было темно, холодно, и где-то вдалеке уже орал тот самый петух.

Вернувшись в дом, я оделась, подошла к зеркалу и ужаснулась. Вчерашнее платье, в котором я копала грядки, поливала теплицу и кормила кур, было похоже на тряпку, которую собака притащила с помойки. Красный цвет стал грязно-бурым. Подол был в пятнах, рукава растянуты, и от всего этого исходил аромат, который я идентифицировала как

«смесь навоза, пота и отчаяния».

- Прощай, моя любимая вещь, - сказала я, снимая платье и аккуратно комкая его в угол. – Ты погибла героически.

Я полезла в чемодан. У меня было с собой три деловых костюма: красное платье (убито), черное платье (на вечер) и бежевый костюм. Юбка, пиджак, блузка.

- Бежевый, - сказала я своему отражению. – Ты будешь моим боевым знаменем. Ты – символ того, что я не сдалась. Ты – последний бастион моего достоинства.

Я надела костюм. Юбка сидела идеально. Пиджак подчеркнул талию. Блузка добавила легкости. Волосы я собрала в высокий пучок на макушке – строго, элегантно, никаких распущенных кос. Нанесла макияж: тональный крем, тени, стрелки, помада нюдовая (бежевая, под костюм). Посмотрела в зеркало – выглядела как дорогой сотрудник, который случайно забрел в сельскую администрацию.

- Ты – богиня, Кэт, - сказала я себе. – А он – просто мужик с лопатой. Ты сильнее.

Я вышла в зал. Завтрак стоял на столе: тарелка пшенной каши с маслом, кусок хлеба и кружка травяного чая. Рядом

– ложка, салфетка из ткани, и ни одной крошки.

Он сидел на своем обычном месте, напротив, и пил чай. Без сахара. Молча. На нем была серая футболка, которая обтягивала бицепсы так, будто специально для этого шилась. И джинсы. И рабочие ботинки. И вид у него был – как у человека, который знает, что сегодня заставит меня страдать, и получает от этого удовольствие.

- Садись, - сказала он, не поднимая глаз. – Каша стынет.

Я села. Взяла ложку. Каша была... вкусной. Это бесило. Почему все, что он готовит, вкусное? Почему он не может сварить кашу-размазню, которую невозможно есть? Почему он идеальный во всем, кроме характера?

- Вкусно, - сказала я, ненавидя себя за честность.

- Знаю, - он отхлебнул чай.

Я ела и чувствовала его взгляд. Он смотрел на меня. Не отрываясь. Сверлил мою макушку, мои плечи, мою блузку, мой пучок. Я подняла голову – наши глаза встретились.

- Что? – спросила я.

- Ничего, - он опустил глаза. – Просто смотрю на твой костюм. Ты собралась на собеседование?

- У меня нет другой одежды. Я вообще-то приехала сюда подписывать контракт, а не грядки копать и кур твоих кормить. И в отличие от некоторых, я не хожу в том, в чем спал.

- Я не сплю в джинсах, - он усмехнулся. – Мы сегодня красим забор. Ты в курсе, что краска не отстирывается?

Я замерла с ложкой у рта.

- Что?

- Краска. Масляная. Синяя. Ты в бежевом, - он поставил кружку и посмотрел на меня с выражением «Я же предупредал, а ты не слушала». – Но если хочешь – можешь переодеться. У меня есть старый комбинезон.

- Нет, - сказала я с достоинством.

- Как хочешь, - он пожал плечами и встал. – Твоя потеря.

Я доела кашу, вымыла посуду (он следил, чтобы я не оставила крошек – зверь, а не человек), и вышла на улицу.

Утро было свежим. Небо чистое. Солнце только поднималось, и роса блестела на траве. И посреди всей этой идиллии стоял он – с ведром синей краски, кистью и лестницей.

- Начинаем с южной стороны, - он кивнул на забор, который тянулся вдоль огорода. Метров пятнадцать. Деревянный, высокий, с острыми кольями. – Красить аккуратно. Без потеков. Я покажу.

Он макнул кисть в краску и провел по доске. Одно движение – и синяя полоса легла ровно, как по линейке.

- Теперь ты.

Я взяла кисть. Она была липкой, пахла химией и уже была в краске. Я подошла к забору, зажмурилась от решимости и мазнула.

Краска потекла. Прямо по доске, вниз, на мою руку, на юбку. Я отшатнулась, но было поздно – на бежевой юбке расплылось ярко-синее пятно, похожее на инопланетный цветок.

- Черт! – вырвалось у меня.

- Я же говорил, - сказал он с крыльца, где стоял, скрестив

руки. Он даже не пытался помочь. Просто наблюдал. – Комбинезон в сарае.

- Не нужен мне твой комбинезон! – крикнула я и с остервенением начала красить забор.

Кисть ходила ходуном, краска летела во все стороны – на доски, на траву, на мои туфли. Да, я снова надела туфли.

Он подошел. Встал сбоку. Взял мою кисть.

- Ты все делаешь неправильно, - сказал он спокойно. – Смотри. Не надо так много краски. И махай не всей кистью, а кончиком. И води ровно, не дергай.

Он стоял так близко, что я чувствовала запах его мыла (дегтярное, что ли?). Его пальцы накрыли мои – поправили кисть. Я замерла. Почему от его прикосновения у меня бегут мурашки? Я же его ненавижу. Ненавижу!

- Поняла? – спросил он.

- Поняла, - прошептала я, отступая.

Он отпустил мою руку. Кисть осталась у меня. И я продолжила красить. Медленнее, аккуратнее. Краска почти не

текла. Получалось... почти ровно.

- Неплохо, - сказал он, отходя. – Продолжай. Я проверю курятник.

И ушел. Оставил меня одну с ведром краски, забором и бежевым костюмом, который теперь был украшен синими пятнами всех оттенков – от василькового до индиго.

Я красила. Час. Два. Солнце поднялось высоко, стало жарко. Пиджак я сняла и повесила на забор – синий узор на рукавах уже не спасти. Блузка тоже пострадала. Юбка выглядит как абстрактная картина, которую купили бы за миллион, если бы это было модно.

Он вернулся с корзиной яиц.

- Неплохо, - повторил он, осмотрев мою работу. – Потехов мало. Молодец.

Это было похоже на похвалу. Я не поверила.

- Это подвох? – спросила я, вытирая пот со лба рукавом.

- Нет, - он присел на корточки и посмотрел на нижние доски. – Тут пропустила. И тут. Докрась.

- Вы издеваетесь?

- Я никогда не издеваюсь, - он встал. – Я просто требую качества.

Я стиснула зубы. Улыбнулась. Сквозь силу, сквозь боль, сквозь желание швырнуть в него ведро с краской.

- Хорошо, Александр. Я докрашу.

- Умница, - он взял яйца и пошел в дом. На пороге обернулся. – Кстати, к твоему сведению. Я наблюдаю. И вижу, что ты злишься. И улыбаешься фальшиво. Можешь не стараться – это не работает.

Он скрылся, а я осталась стоять с кистью в руке, с пятнами в костюме, с солнцем в глазах и с чувством, что он видит меня насквозь.

- Ну и пусть, - сказала я забору. – Пусть видит. Главное – контракт.

Когда я зашла в дом, он уже накрыл на стол – суп, хлеб, компот. Я сразу же села за стол. Безумно проголодалась.

- Ешь, - он пододвинул мне тарелку. – Потом будешь окна мыть.

Я взяла ложку и сказала себе: «Еще двадцать девять дней. Ты справишься. А контракт потом... контракт будет сладким, как месть».

Он сел напротив. И я заметила, что уголок его губ снова дернулся.

Гад. Ненавижу!

Глава 8

- Мне мыть все окна? – спросила я, еще надеясь на пощаду.

- Все, - он кивнул на три окна в доме, каждое размером в небольшую стену. – Снаружи и изнутри. Ведро с мыльной водой во дворе. Тряпки на печке. Лестница у сарая.

- А можно я сначала отдохну? – я изобразила усталость, но она была не такой уж и наигранной. – Может, кофе? Или просто пять минут посидеть?

- Нет, - отрезал он и вышел. – Я на ферму. Вернусь – проверю.

Дверь хлопнула. Я осталась одна в тишине, с ведром, тряпками и лестницей, которая стояла у сарая и выглядела как орудие пыток.

- Окна, значит, - сказала я, берясь за лестницу. – Хорошо. Я профессионал. Я мыла окна в своей квартире. Раз в полгода. С помощью специального робота. Который делает все сам.

Здесь робота не было. Зато были куры, которые смотрели на меня с укором, как будто я была самой ленивой городской штучкой на свете.

Я установила лестницу у первого окна, залезла на третью ступеньку и начала тереть стекло. Вода капала на пол, тряпка оставляла разводы. Снаружи стучала ветка дерева. Внутри было тихо и пыльно. Я пыхтела, материлась про себя и уже через пять минут покрылась потом, как мышь после забега.

- И зачем ему столько окон? – бормотала я, отжимая тряпку. – Живет в глуши, никого не видит, а окна моет. Маньяк. Точно маньяк.

Я перелезла на другую сторону лестницы, чтобы вымыть стекло снаружи. Лестница скрипнула. Я не придавала значения – дерево, старье. Подумаешь, скрипит.

Я потянулась вверх, чтобы достать до верхнего угла окна. Лестница качнулась.

Один раз. Слегка.

- Ой, - сказала я.

Второй раз. Сильнее.

- Ой-ой, - повторила я, хватаясь за раму.

Лестница решила, что с нее хватит моего веса. Она начала заваливаться вправо, и я полетела вместе с ней. Вниз, к земле, к крапиве, которая росла под окном. Время замедлилось. Я успела подумать: «Вот и все. Моя карьера закончится в крапиве».

Но падения не случилось.

Потому что меня поймали.

Сильные руки схватили меня за талию в полуметре от земли, дернули вверх, прижали к чему-то твердому и теплomu. Я открыла глаза – и увидела его лицо. В двух сантиметрах от моего.

Александр смотрел на меня сверху вниз. Его темные глаза были расширены – кажется, он испугался? Или это мне показалось? Его руки держали меня так крепко, что я не могла пошевелиться. Я чувствовала его дыхание на своей щеке, запах дерева и мыла, и какой-то невыносимо приятный аромат, который не могла идентифицировать, но готова была нюхать вечность.

- Ты дура, - сказал он хрипло. – Лестницу надо было проверить.

- Я проверила, - прошептала я. – Она скрипела.

- Скрип – это не проверка, - он не отпускал меня. – Ты могла убиться.

- Не убилась же, - я вдруг заметила, что мои руки висят в воздухе, потому что я не знала, куда их деть. Положила на его плечи. Просто чтобы не упасть. Да, точно, просто чтобы не упасть.

Он смотрел на меня. Я смотрела на него. Мурашки бежали по спине, как маленькие предательницы, которые не понимали, что он – враг. Потому что враги не пахнут так вкусно. Враги не имеют таких длинных ресниц. Враги не смотрят в глаза так, будто видят что-то внутри, что даже я сама не видела.

И тут – из-за забора, со стороны соседского участка, раздалось:

- Ой, гляди-ка, Петровна! Обнимаются!

- Обнимаются, родимые! А вчера ругались! Ой, молоды-ы-ые!

Два старческих голоса. Шепот, который был слышен на всю деревню. Я повернула голову – и увидела две головы в платках, торчащие из-за забора. Две пары глаз. Две улыбки беззубые, но очень довольные.

- А он ее за талию-то как схватил! – продолжала одна.

- В самую пору! Иди сюда, покажу! – говорила вторая.

- Да я вижу, не слепая!

Александр резко отпустил меня. Я чуть не села на землю, потому что ноги вдруг стали ватными.

- Ступайте, бабушки, - сказал он громко, не оборачиваясь.
– Ничего интересного. Она упала. Я поймал. Все.

- Ой, конечно, упала! – одна бабушка высунулась дальше.
– Мы все видели, милоч! Ты ее не просто поймал, ты ее прижал! По-нашему, по-деревенски, это уже ухаживание!

- Да какие ухаживания! – я поправила блузку, которая задралась при падении. – Я его ненавижу!

- Ненавидит она его! – бабушки переглянулись и захихикали. – А сама-то вон как покраснела! Вся аж пунцовая, как помидор на грядке!

Я приложила руку к щеке. Она горела. Предательница-щека.

- Идите по своим делам! – рявкнул Александр. – Васильевна, у вас коза в огород залезла!

- Ах, мать моя! – одна из бабушек исчезла. Вторая еще постояла, покачала головой, сказала «молодежь, только и знает, что обжиматься», и тоже скрылась за забором.

Воцарилась тишина. Только куры где-то кудахтали.

- Отличная деревня, - сказала я. – Сплошное скрытое наблюдение.

Он не ответил. Он стоял, отвернувшись, и я видела, как напряжены его плечи.

- Лестницу впредь проверять, - сказал он наконец, не поворачиваясь. – И будь аккуратнее.

Он развернулся и пошел к дому. На пороге бросил:

- Окна домоешь, потом сразу в огород. Прополка. Сорняки уже с головой все затянули. И не вздумай отдыхать, я за тобой наблюдаю.

- Как и бабушки? – крикнула я в спину.

Он не ответил. Дверь закрылась.

Я осталась одна у лестницы, с тряпкой в руках, с горящими щеками и с противным чувством, которое очень сильно напоминало... нет, не может быть. Точно не может быть.

- Это адреналин, - сказала я себе. – Чистый адреналин от падения. И ничего больше.

Я домыла окна. Быстро, зло, без разводов. Лестницу проверила дважды – ногой, рукой, даже языком. Все, хватит с меня полетов.

Потом я пошла в огород.

И тут ненависть вернулась.

Потому что огород был огромный. И сорняков в нем было

столько, что, казалось, они растут прямо на глазах. Я смотрела на это зеленые джунгли и понимала, что моя жизнь превратилась в фильм ужасов под названием «Планета сорняков».

- Нет, - сказала я вслух. – Я так не могу. Я офисный работник, а не садовник.

Я села под дерево. Большую старую яблоню, которая росла в углу огорода, прямо у забора. Трава под ней была мягкая, пахла мятой и чем-то еще летним. Я прислонилась спиной к стволу, вытянула ноги и посмотрела в небо.

Небо было синее-синее, с белыми облаками, которые плыли медленно, как будто специально, чтобы я могла их разглядеть. Одно облако было похоже на слона. Второе – на шефа, который отправил меня в эту ссылку. Я мысленно показала облаку кулак.

Птицы пели. Не городские голуби, которые только и умеют, что гадить на памятники, а настоящие, звонкие, с трелями. Где-то далеко лаяла собака. Ветер шевелил листья на яблоне, и они шептали что-то успокаивающее. Солнце светило, но не жарило, а ласково, как плед, который накинута на плечи.

- Хорошо-то как, - вырвалось у меня.

Я смотрела на цветы. На ромашки, которые росли прямо у забора. На васильки. На какие-то желтые лютики. В городе я не замечала цветов. В городе вообще не замечала ничего, кроме отчетов и дедлайнов.

А тут – бабочка пролетела. Оранжевая, красивая. Села на мое колено, посидела, подумала и улетела. Я проводила ее взглядом.

- Бабочка, - сказала я. – Я сижу в огороде и смотрю на бабочек. Что со мной происходит?

Глава слипались. Ветер дул нежно, как ласка. Птицы пели колыбельную. Солнце грело. Мои веки стали тяжелыми, как шторы в конференц-зале.

- Я просто минуточку, - прошептала я, устраиваясь поудобнее. – Просто закрою глаза на секунду. Послушаю природу. Это полезно для работы. Я набираюсь энергии.

Голова опустилась на плечо. Дыхание стало ровным.

Я уснула.

Под яблоней. В огороде. Среди сорняков, которые никто не полол. В бежевом костюме, который теперь был сине-бежево-землистым. С руками в мозолях. С ненавистью в сердце, которая куда-то подевалась – то ли заснула, то ли растворилась в пении птиц.

Мне снилось, что я - бабочка. Летаю над полем, а внизу стоит Александр и машет мне рукой. И я ему машу крылышком. И почему-то не хочу просыпаться.

- Катрина!

Голос был далеким.

- Ка-а-атри-и-и-ина!

Очень далеким и злым.

Я приоткрыла глаза. Надо мной стояла тень. Большая, широкая, с руками на поясе.

- Ты что делаешь? – спросил Александр.

- Набираюсь энергии, - ответила я.

Он молчал. Я слышала, как он дышит. Неровно, как будто

тоже устал. Или разозлился.

- Вставай, - сказал он тихо. – Сорняки сами не выдернутся.

- А если я скажу нет? – спросила я. – Что ты сделаешь?
Выгонишь меня?

Он посмотрел на меня. Долго. Потом вдруг сел на траву рядом.

- Ты невыносима, - сказал он.

- Ты тоже, - ответила я.

Мы сидели под яблоней, два врага, которые устали друг от друга. Ветер дул. Птицы пели.

- Пять минут, - сказал он. – Потом полоть.

- Десять, - сказала я.

- Семь.

- Идет.

Он закрыл глаза. Я закрыла глаза. Мы сидели рядом, но

не касались. И я вдруг подумала: «А ведь он тоже устал. Он же встает в пять. Он работает весь день. И ему, наверное, одиноко. В этой деревне. Без связи. Без никого».

А потом я подумала: «Катрина, очнись. Ты его ненавидишь. Он твой враг».

- Семь минут прошли, - сказал он.

- Врунишка, - ответила я. – Прошло только три.

Я открыла глаза. Он смотрел на меня.

- Я буду следить, - сказал он, вставая. – Если сорняки не будут выдернуты через час, завтра будешь чистить хлев.

- Хлев? – я вскочила. – Там же коровы!

- Именно, - он улыбнулся. – Знакомство с Буренкой тебе не помешает.

Он ушел, а я осталась стоять под яблоней, сжимая в кулаке сорняк, который выдернула первой.

- Ненавижу тебя, - прошептала я.

Но голос прозвучал неубедительно.

Даже для меня.

Глава 9

Я полола. Я полола, наверное, целую вечность. Солнце переменилось с одной стороны неба на другую, спицы спели все песни, которые знали, и даже куры, кажется, ушли на обеденный перерыв. А я все полола.

Сорняков было много. Очень много. Они лезли из земли как зеленые змеи, которые только и ждали, чтобы я выдернула их, а на их месте выросли новые. Я чувствовала себя Сизифом, только вместо камня у меня была тяпка, а вместо горы – грядка с морковкой, которую я, кажется, уже начала ненавидеть больше, чем его.

- Ненавижу морковку, - бормотала я, выдирая очередной корень. – Ненавижу свеклу. Ненавижу петрушку.

В какой-то момент я слышала шаги. Тяжелые, размеренные, по гравию. Я не подняла головы, но весь мой организм сжался в пружину. Потому что эти шаги могли принадлежать только одному человеку.

- Ну, покажи, - сказал он, останавливаясь у меня за спиной.

Я выпрямилась, отряхнула колени и с гордостью (насколько это возможно с землей на носу) обвела рукой грядку.

- Вот. Все чисто. Ни одного сорняка.

Он прошелся вдоль грядки медленно, как прокурор на ме-

сте преступления. Наклонился, пощупал землю, загнул под листья. Я затаила дыхание.

- Здесь пропустила, - он ткнул пальцем куда-то в середину. - И здесь. И вот этот - не сорняк, это укроп, но ты его выдрала.

- Я выдрала укроп? - я подбежала и увидела в его руке жалкий пучок зелени, который еще час назад был будущим украшением салата. - Ой.

- Ой, - передразнил он. - Ладно, укроп переживем. Но вот эту грядку нужно перекопать.

Он показал на участок земли метра три в длину. Нетронутой, твердой, с комьями, как будто ее специально зацементировали.

- Перекопать? - переспросила я голосом, в котором смешались усталость, злоба и отчаяние. - Ты серьезно? Я только что полола! У меня спина отваливается! У меня руки трясутся!

- Перекопать, - повторил он спокойно. - Лопата у сарая. И ушел. Просто развернулся и ушел, оставив меня одну с грядкой, которая смотрела на меня как враг номер один.

Я стояла и смотрела на эту землю. Потом на лопату, которая стояла у сарая. Потом снова на землю.

И тут меня осенило.

Гениальная мысль. Простая, изящная, как идеально составленный контракт.

- А что, если... - прошептала я, - лопата сломается?

Конечно, я не собиралась ломать ее специально. Но если она сломается случайно... ну, сами понимаете, форс-мажор. Непредвиденные обстоятельства. Авария. Трагедия. Тогда копать будет нечем, и он, возможно, сжалится и отправит меня мыть посуду. Или просто даст отдохнуть.

Я взяла лопату. Обычную, деревянную, с длинным черенком. Осмотрела ее. Черенок был крепкий, как будто сделанный из железобетона. Я попробовала согнуть – не гнется. Попробовала ударить о землю – только рукам больно.

- Ну же, - прошептала я, - Сломайся. Пожалуйста.

Я взяла ее двумя руками и со всей дури ударила о камень, который торчал из земли. Раз. Два. Три. Наконец-то! Лопата дала трещину. Но этого мало.

- Да что ж ты за монстр! – заорала я, ударив еще раз, да посильнее.

Треск.

И в этот момент рядом раздалось:

- Ты чего лопатой об землю бьешь? Земля в чем провинилась?

Я подпрыгнула. Александр стоял в двух метрах, сложив руки на груди, и смотрел на меня с выражением, которое я идентифицировала как «ну ты и идиотка».

- Я... проверяла, насколько она прочная, - сказала я, пряча сломанную лопату за спину.

Он молчал три секунды. Потом подошел, выхватил у меня лопату, посмотрел на черенок, потом на меня.

- Ты намеренно ее сломала?

- Нет, - сказала я слишком быстро.

- Да, - он кивнул. – Ты ее сломала, чтобы не копать. Ты думаешь, я первый день живу? Как раз для тебя я купил лопату с железным черенком. Как знал.

Он ушел в сарай и вернулся с новой лопатой. Металлической. С черным блестящим черенком из чего-то, напоминающего титан.

- Держи, - сказал он, засовывая ее мне в руки. – Эта не сломается. Можешь не стараться.

Я смотрела на лопату. Лопата смотрела на меня. В ее металлическом блеске мне почудилась насмешка.

- Ты злой, - сказала я.

- Я практичный, - ответил он. – Копай.

И ушел. Снова.

Я копала. Долго. Нудно. С чувством глубокого удовлетворения от того, что представляла вместо земли его голову. Каждый удар лопатой – это был удар по его самолюбию. Каждый ком, который я переворачивала, - это был маленький шаг к контракту.

- Ты не сломишь меня, Ветров, - пыхтела я, втыкая лопату в очередной пласт. – Я – железная леди. Я стальной орех. Я – грецкий орех, который не расколешь даже кувалдой.

К трем часам грядка была перекопана. Я упала на траву, раскинув руки в стороны, и смотрела в небо.

- Если я выживу, - прошептала я, - я напишу книгу. «Как

я выжила в аду и подписала контракт». Бестселлер. Экранизация. Оскар.

В дом я вернулась, шатаюсь, как пьяная. Спина не гнулась. Руки висели плетьюми. На бежевом костюме уже не было живого места – он превратился в художественное полотно под названием «Страдания городской девушки в деревне».

- Я в баню, - сказала я, проходя мимо Александра, который сидел за столом и что-то писал в тетради.

- Иди, - сказал он, не поднимая головы. – Она уже готова. Веники на полке. Не обожгись.

Баня была настоящая, черная, с низким потолком и запахом березы. Она была уже натоплена, я просто зашла и села, наслаждаясь жаром, который выгонял из меня боль и усталость. Вениками я не стала пользоваться – боялась, что они меня добьют окончательно.

Попарившись до состояния вареной картошки, я выползла в предбанник и открыла свой чемодан.

И тут меня настигла катастрофа.

Одежды не было.

Совсем.

Красное платье – в углу, грязное, убитое, похоронное. Бежевый костюм – его можно было сжигать без сожаления. Оставались только черное платье (вечернее, с открытой спиной, которое я взяла на случай, если придется произвести впечатление на банкете) и пижама. Розовая, в единорогов. Моя любимая, с которой я не расстанусь вот уже два года.

Я посмотрела на черное платье. Потом на пижаму. Потом на дверь, за которой в доме сидел он.

- Нет, - сказала я. – Только не это. Я не буду надевать сейчас пижаму.

И надела черное платье.

Оно было красивым. Длинным, до пола, с разрезом до бедра, с открытой спиной. Шелк струился по телу, как вода. Я посмотрела на маленькое зеркало, висящее в предбаннике, и вздохнула. Волосы после бани влажными волнами падали на плечи, макияж почти смылся, но глаза блестели.

Закуталась в полотенце, добежала до дома, прошмыгнула в зал и села на диван, стараясь не смотреть в сторону стола.

Платье открывало больше, чем хотелось бы. Я чувствовала себя героиней фильма, которая случайно оказалась на свидании с врагом.

- Ты чего в платье? – спросил он из-за печи.

- Так надо, - ответила я.

- Надо – для чего?

- Для морального духа, - отрезала я.

Он вышел из-за печи с тарелками. И остановился.

Посмотрел на меня. С головы до ног. Взгляд задержался на разрезе, потом на открытой спине, потом снова на лице. Я не могла прочесть выражение его глаз – в полумраке они казались черными, глубокими, и в них что-то мелькнуло. Что-то, что заставило мое сердце пропустить удар.

- Ужин готов, - сказал он глухо и поставил тарелки на стол.

– Садись.

Я села. Он сел напротив. Ужин был простым – картошка с мясом, запеченная в горшочке, салат из свежих овощей, хлеб. Мы ели молча. Я чувствовала его взгляд на себе, но когда поднимала глаза, он смотрел в тарелку.

- Вкусно, - сказала я, чтобы нарушить тишину.

- Знаю, - ответил он, как обычно.

И вдруг за окном раздался звук. Гул мотора, но не тракторный, а мягкий, дорогой, такой, какой бывает только у очень хороших и очень дорогих машин.

Александр напрягся. Отставил ложку.

- Ты кого-то ждешь? – спросила я.

- Нет, - он встал и подошел к окну. – Но похоже, кто-то ждет меня.

За окном остановилась черная иномарка. Большой внедорожник, тонированный, с блестящими дисками. Такие машины не ездят по деревенским дорогам.

Дверца открылась, и из нее вышла она.

Блондинка. Шикарная. Высокая, стройная, в белом костюме. Волосы струились по плечам, как золото. Лицо – с четкими скулами, пухлыми губами, идеальный макияж. Она посмотрела на дом, поправила клатч и направилась к крыльцу.

- Кто это? – спросила я, чувствуя, как внутри закипает странное чувство. Не, не ревность. Точно не ревность. Просто... любопытство.

- Ничего страшного, - сказал Александр, но голос его изменился. Стал жестче, официальнее. – Сиди здесь.

Он вышел. Я осталась у окна, спрятавшись за занавеской.

Они встретились на крыльце. Блондинка сказала что-то, улыбнулась – ослепительно, как будто рекламировала зубную пасту. Александр ответил, кивнул. Она положила руку ему на плечо – легко, непринужденно, как человек, который имеет на это право.

У меня внутри что-то царапнуло.

- Не твое дело, - прошептала я. – Он кто угодно, но не твой.

Они говорили минут пять. Блондинка жестикулировала, показывала на машину, на часы. Александр стоял спокойно, но я видела, как напряжена его спина. Потом он кивнул, развернулся и зашел в дом.

- Мне нужно уехать, - сказал он, проходя мимо меня. – Срочно. Дела в городе.

- Дела? – я подняла бровь. – Какие дела?

- Важные, - он уже был в своей комнате. Я слышала, как открывается шкаф, как шелестит ткань.

Через три минуты он вышел.

Я чуть не подавилась воздухом.

На нем был костюм. Настоящий, дорогой, строгий, темно-синий, идеально сидящий по фигуре. Рубашка белая, галстук серебристый, туфли начищенные. Волосы зачесаны назад. Он выглядел... как с обложки мужского журнала. Как

модель, которая случайно забрела в деревню.

- Ты... ты другой, - сказала я глупо.

- Я то же, - ответил он, застегивая запонки.

- И кто эта женщина?

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

- Моя партнерша. По бизнесу. Все, мне пора. Завтра за хозяйством присмотрит дед Степан. Он придет утром. Не пугайся, он глуховатый и беззубый, но зла не желает.

Он взял ключи, вышел и через минуту уже сидел в машине рядом с блондинкой. Она улыбнулась ему, положила руку на его колено. Он не убрал.

Машина уехала. Я осталась одна.

В доме. В черном вечернем платье. С недоеденным ужином на столе.

- Вот так, - сказала я пустоте. – Я тут в грязи копаюсь, а он с блондинками разъезжает на внедорожниках. Отлично. Просто отлично.

Я села на диван, обхватив колени руками, и уставилась в стену.

- Мне плевать, - сказала я громко. – Совсем плевать.

Петух за окном кукарекнул, как будто сказал: «Врешь».

- Главное – контракт. А контракт будет мой.

Я переделалась в пижаму, забралась под плед и закрыла глаза.

Спать не хотелось. Хотелось кричать.

Или пойти и разломать его драгоценные грядки.

Но я просто лежала и слушала, как ветер воет за окном.

Глава 10

Первый раз за всю эту кошмарную командировку я проснулась без петуха. Без голоса «Подъем». Без чувства, что меня сейчас заставят копать, полоть или красить.

Я открыла глаза – и не поверила своему счастью. За окном уже вовсю светило солнце, часы на печке показывали половину десятого, а в доме было тихо. Так тихо, что я слышала, как дышит половица под диваном.

- Его нет, - прошептала я и села.

Потому подумала и сказала громко, на всякий случай:

- Александр?

Никто не ответил. Даже эхо промолчало.

Я вскочила с дивана и чуть не пустилась в пляс. Свобода! Целый день свободы! Никаких грядок, никаких лопат, никаких его команд и его насмешливых глаз! Я могла делать что хочу!

Но первым делом я заметила, что печь уже натоплена. Видимо, приходил дед Степан, когда я спала.

Я подошла к печке. Там стоял чугунок, в котором вчера была каша. Сегодня он был пуст, зато на полке лежали яйца. Свежие, деревенские, с коричневой скорлупой. Рядом – сало, хлеб, масло.

- Я приготовлю себе завтрак, - решила я. – Сама. Без него. И это будет лучший завтрак в моей жизни.

Я нашла сковородку (чугунная, тяжелая, как моя жизнь в этой деревне), растопила масло, разбила яйца. Три штуки. Желтки растекались неохотно, но я справилась. Правда, одно яйцо упало на пол вместе со скорлупой, и пришлось его вылавливать пальцами.

- Ничего, - сказала я, вытирая руки о полотенце. – Это аромат домашнего уюта.

Глазунья получилась... своеобразной. Желтки затекли, белок подгорел с одного края и остался сырым с другого. Но я все равно съела ее с хлебом и запила травяным чаем. Было вкусно. Потому что свобода – лучшая приправа.

Одевшись (то есть натянув то самое черное платье, пото-

му что другого чистого не осталось), я выглянула в окно. Деревня жила своей жизнью: где-то лаяла собака, где-то кричали дети, из труб вился дымок. Солнце сияло так, будто специально для меня.

- А погодка-то хороша, - сказала я, выходя на крыльцо. – Может, прогуляюсь?

И тут я посмотрела на себя. Черное вечернее платье, открытая спина, разрез до бедра. Туфли, в которых я вчера, кажется, наступила в коровью лепешку. На голове – распущенные волосы, которые после бани вились кудрями.

Я выглядела как героиня фильма, которая забрела не в тот бар.

- Так, - сказала я. – Нужна нормальная одежда. Джинсы. Футболка. Кроссовки. Где здесь магазин?

В прошлый раз, когда я ехала на автобусе, я видела что-то похожее на магазин в центре деревни. Маленький домик с вывеской «Продукты». Значит, он есть. А там точно должна быть одежда.

Я пошла по главной улице.

Деревня была красивой. Я раньше не замечала, потому что была злая и уставшая. А сегодня – солнечно, тепло, пахнет цветами и свежим хлебом. Дома деревянные, резные, с палисадниками, где цвели пионы и ромашки. Заборы покрашены, калитки скрипят мелодично. Где-то на веревках сушилось белье – простыни, наволочки, все белоснежное, как будто деревня готовилась к приему гостей.

У одного из домов сидела бабушка на лавочке и вязала. Я ее узнала – та самая, из-за забора, которая кричала «обнимаются!». Васильевна, кажется.

- Доброе утро! – сказала я, проходя мимо. Хотя для них, наверное, уже обед.

- ой, дочка, а ты че в таком виде? – бабушка отложила вязание и уставилась на мое платье. – Ты че, на бал собралась? У нас клуб только по субботам, и то танцы под гармошку.

- Это... повседневное, - соврала я.

- Ой, гляди-ка, - она покачала головой. – А Сашка-то где? Уехал, поди?

- Уехал, - кивнула я.

- Ну-ну, - бабушка хитро прищурилась. – А ты, значит, хозяйничаешь? Посадил он тебя на хозяйство? Это хорошо. Молодой женщине в деревне без мужика нельзя.

- Я не... мы не... - начала я, но бабушка уже махала рукой другой соседке, которая выглядывала из-за забора.

- Глафира, глянь! У Сашки-то девка в черном платье рассекает! Красивая, зараза!

- Вижу! – крикнула Глафира. – А волосы-то какие, во! Как у русалки!

Я ускорила шаг. Чувствовала себя местной достопримечательностью.

Напротив школы стояла группа детей. Мальчишки лет десяти увидели меня и засвистели. Я гордо прошествовала дальше.

Магазин оказался маленьким деревянным строением с покосившимся крыльцом и дверью, которая скрипела, как сто лет не смазанная. Вывеска «Продукты» была написана от руки и прибита гвоздями. Рядом стояла лавочка, на которой дремал рыжий кот.

Я толкнула дверь.

Внутри пахло ванилью, керосином и чем-то еще неуловимым, что я назвала «деревенский шик». Полки были деревянными, самодельными. На них стояли банки с тушенкой, сгущенкой, макароны весовые, крупы в мешках, конфеты-подушечки. Холодильник (один, старый, с облезшей эмблемой) жужжал, как шмель.

За прилавком сидела женщина лет пятидесяти, в халате и бигуди.

- Здравствуйте, - сказала я. – У вас есть одежда?

Женщина подняла на меня глаза. Посмотрела на мое платье. На туфли. На прическу. Вздохнула.

- Дочка, это продуктовый магазин. Картошка есть, лук есть, майонез. А одежды нет. Ты в сельпо езжай. В райцентр. Там и джинсы, и кофты.

- В райцентр? – я сникла. – А это далеко?

- Часа три на автобусе. Следующий через час. Остановка у церкви. Билет у водителя.

Три часа. Туда. Потом три обратно. Шесть часов тряски в ПАЗике ради джинсов.

Но выбора не было. В черном платье я не могла больше ходить. Меня примут за местную сумасшедшую.

- Спасибо, - сказала я и уже хотела выйти, как женщина окликнула:

- Постой-ка. Ты, никак, у Ветрова живешь? Гостя его?

- Да, - осторожно ответила я.

- Ой, девонька, - женщина сложила руки на груди, - а ты смотри за ним. Мужик он видный, но сложный. И эта... блондинка эта... приезжает иногда. Ты не робей. Давай, давай, действуй.

- Что действуй?

- Ну, охмуряй! – женщина подмигнула. – Хороший мужик, хозяйственный.

Я вышла из магазина красная, как помидор. Кот проводил меня ленивым взглядом.

- Это деревня, - сказала я себе, шагая к церкви. – Здесь все с ума сошли. Или я схожу.

До автобуса был час. Я решила погулять.

Деревня оказалась еще красивее, чем я думала. Церковь с золотыми куполами, рядом – пруд с утками. Дома с резными наличниками, ставни расписаны. На каждом дворе – цветы, георгины, астры, подсолнухи. Воздух пах яблоками.

Я шла и улыбалась. Просто так. Без причины.

Мне было хорошо. Солнце грело плечи, ветер играл с волосами. Бабушки на лавочках кивали, мужики снимали шапки, дети бежали следом и кричали «принцесса!».

- Я не принцесса, - крикнула я им. – Я – акула бизнеса!

- Кто-кто? – переспросил один мальчик.

- Акула! Которая контракты подписывает!

- А-а-а, - мальчик подумал и добавил: - А платье красивое. Можно потрогать?

Он потрогал подол липкими руками. Я не стала возра-

жать.

В конец концов, я дошла до пруда, села на лавочку и стала смотреть на уток.

- Хорошо здесь, - сказала я вслух. – Тихо. Спокойно.

Я поймала себя на мысли, что уже минуты три думаю о нем. О том, что он сейчас делает. Где он. С этой блондинкой.

- Прекрати, - сказала я себе. – Он тебе не нужен. Тебе нужен контракт. А он – только средство.

Но почему-то от этой мысли стало грустно.

Автобус приехал ровно через час. Такой же желтый ПА-Зик, как в прошлый раз, только без гусей. Водитель – новый, но тоже с усиками и папиросой в зубах.

- В район? – спросил он.

- В район, - кивнула я, забираясь внутрь.

Свободных мест было много, но я села у окна, чтобы смотреть на деревню, которая медленно уплывала назад. Дома, церковь, пруд, бабушки, кот у магазина. Все это казалось уже

почти родным.

- Только не скучай, Задрищенко, - прошептала я. — Я вернусь. С джинсами. И с новыми силами, чтобы продолжить его ненавидеть.

Автобус тронулся. Я вздохнула и прислонилась лбом к стеклу.

Три часа тряски впереди. Три часа шопинга в райцентре. И три часа обратно.

А потом снова он.

- Господи, дай мне сил, - попросила я, глядя в небо.

Небо молчало. Зато утки, оставшиеся за окном, крякнула на прощанье.

Я решила, что это хороший знак.

Глава 11

Райцентр, куда привез меня автобус, назывался «город». Тут была одна главная улица, два светофора, три памятника Ленину и здание администрации с колоннами, которое выглядело как дворец по сравнению с остальными домиками.

Я вышла из ПАЗика, и мой телефон, который молчал три дня как партизан, вдруг ожил. Сообщения посыпались одно за другим, как из пулемета: шестьдесят семь уведомлений. Шеф. Шеф. Еще раз шеф. И пару раз Леночка с ресницами, которая писала: «Катрина Сергеевна, вы живы??».

Но главное было от Виктора Борисыча. Сообщение гласило: «СРОЧНО ПОЗВОНИ. КАТАСТРОФА».

Я набрала номер, зажмурилась и приготовилась к самому страшному.

- Ковальчук! Рывкнул шеф в трубку так, что я чуть не выронила телефон. – Ты где шляешься?!

- В райцентре, Виктор Борисыч, - честно ответила я. – За джинсами.

- Какие джинсы?! Ты в курсе, что этот твой Ветров – козел?!

- В курсе, - вздохнула я. – А что случилось конкретно?

- Что случилось?! – шеф, кажется, пил что-то крепкое, потому что голос его то взлетал, то падал. – Журналисты се-

годня засняли его в Москве! В нашем офисе? Нет, не в нашем – в офисе наших конкурентов! Он подписал с ними контракт! Понимаешь?! Подписал! Контракт! С кем?! С козлами из «АгроСтар»!

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Мои новые кроссовки, которые я еще даже не купила, зашатались.

- Подписал? – переспросила я слабым голосом. – Но он обещал...

- Он обещал? Он тебе что обещал? – шеф закашлялся. – В общем, возвращайся. Бери билет. Отзываю тебя. Контракт мы проиграли.

Я замерла. В голове пронеслась картина: грядки, лопата, баня, его руки, спасшие меня от падения, и его голос: «Если выдержишь месяц – я подписываю». И теперь – это. Предательство.

Но вдруг я вспомнила его лицо. Когда он говорил это. Он не врал. Я почему-то была уверена.

- Виктор Борисыч, - сказала я медленно. – Он не подведет.

- Он уже подвел! Контракт подписан!

- С конкурентами? А вы видели сами контракт?

Шеф замялся.

- Ну... журналисты сказали...

- Журналисты – это вам не официальный документ, - я почувствовала, как ко мне возвращается сила. – Виктор Борисыч, он поставил мне условие: я живу в его доме месяц, делаю все, что он скажет, а в конце он подписывает с нами

контракт. И он сказал, что свои обещания сдерживает. Я ему верю.

- Ты ему веришь? – шеф хмыкнул. – Ты там влюбилась, что ли?

- Ни в кого я не влюбилась! – возмутилась я. – Я переговорщица. А переговорщицы чувствуют клиента. Он не обманет. Дайте мне месяц.

Пауза. Шеф пыхтел в трубку.

- Месяц – это долго, - сказал он наконец.

- А вы дайте мне отпуск, - предложила я. – Все равно я там застряла. Без связи. Без интернета. Как в ссылке.

- Отпуск? – шеф задумался. – У тебя же три недели накоплено...

- Вот и отлично. Я отработаю этот контракт в любом случае. А если нет – уволюсь сама. Идет?

Шеф помолчал еще дольше. Потом вздохнул так, что у меня динамик хрюкнул.

- Ладно, Ковальчук. Месяц. Но если ты ошибаешься... ты должна мне будешь. Лично. Я заставлю тебя год кофе носить.

- Носить, так носить, - согласилась я. – Спасибо, Виктор Борисыч.

Телефон пискнул и разрядился. До нуля. Совсем.

- И это прекрасно, - сказала я, убирая мертвый кирпич в сумку. – Никто меня больше не отвлечет от главной цели – шопинга.

Торговый центр нашелся быстро. Точнее, это был не тор-

говый центр, а двухэтажное здание, которое в Москве называли бы «вещевой рынок», а здесь – торговый дом «Рассвет». Внутри пахло китайской кожей, жареными пирожками и надеждой найти что-то свое.

Я влетела в первый же отдел с женской одеждой и сказала продавщице, полной женщине в цветастом халате:

- Мне все. В смысле, много. Показывайте.

Продавщица (тетя Зина, как гласил бейджик) оживилась. За следующие два часа она обвешала меня вещами так, что я чувствовала себя новогодней елкой.

- Вот комбинезон джинсовый! – тетя Зина протягивала мне синюю рабочую радость. - Практичный! В нем и грядки копать, и коров доить!

- Беру, - сказала я, потому что в чем-то другом копать грядки я была не готова.

- А вот комбинезон ярко-розовый! – следом полетело нечто такое, от чего у меня заслезились глаза. – Со стразами. В клуб пойдешь!

- В какой клуб? – спросила я.

- Ну, у нас клуб по субботам. Дискотеки, - тетя Зина подмигнула. – Молодежь ходит.

Я представила себя в розовом комбинезоне со стразами на деревенской дискотеке под гармошку. И почему-то не заплакала. Даже улыбнулась.

- Беру, - сказала я. – Для смеха.

Дальше было больше. Шорты джинсовые и обычные,

хлопковые, в цветок. Футболки: белая, серая, синяя, зеленая – «чтобы было на каждый день недели с запасом», пояснила продавщица. Майки – три штуки. Платье летнее – две штуки. Свитер.

Сорочка – в клетку, мужская, но на мне смотрелась как пижама. Пижама, кстати, тоже нашлась: футболка и шорты с ананасами. Забавно.

- Нижнее белье? – спросила тетя Зина, понижая голос.

- А оно есть?

- Как не быть! – она выдвинула ящик, и я увидела кружева, хлопок и нечто такое, что носила только в День всех влюбленных.

- Беру все, - махнула я рукой.

Кроссовки – белые, с розовыми шнурками. Балетки – черные, на каждый день. Шлепанцы – резиновые, с котиками, для бани. Резиновые сапоги – зеленые, высокие, «вдруг пригодятся». Я их примерила и чуть не упала – они были выше моих колен.

- А это что? – я ткнула в висящий на вешалке платок с подсолнухами.

- Платок! – обрадовалась тетя Зина. – В церковь ходить или в огород – голову закрывать. Или от мужчин.

- Беру.

- А бейсболка?

Бейсболка была черная, с надписью.

- Беру и бейсболку, - вздохнула я.

Итог: пять огромных пакетов. Я еле дотащила их до кассы. Тетя Зина пробила чек, улыбнулась и сказала: «Носи на здоровье».

Я вышла из «Рассвета» с пакетами, которые закрывали меня с головы до ног. Походила на муравья, который тащит ветку в сто раз больше себя.

И тут мой желудок издал звук, похожий на рык дикого зверя.

- Еда, - сказала я. – Срочно.

Кафе нашлось за углом. «Уют-кафе», с занавесками в горошек, пластиковыми стульями и меню, написанным от руки. Я села за столик, и ко мне подошла официантка (девушка лет восемнадцати с длинными ногтями и челкой, закрывающей один глаз).

- Что будете? – спросила она, жуя жвачку.

- Все, - сказала я.

- В смысле все?

- В смысле – приносите все, что есть в меню. Я голодна. Я три дня ела кашу и борщ. Я хочу вредного, жирного, жареного, сладкого и соленого одновременно. Я хочу компенсировать ущерб, нанесенный моему организму деревенской жизнью.

Девушка удивленно подняла бровь, но ушла.

Через десять минут мой стол был заставлен тарелками. Картошка фри, наггетсы, бургер с двойной котлетой, салат (на всякий случай – полезное тоже нужно), кусочек медови-

ка, мороженое и лимонад. Я ела и наслаждалась. Впервые за три дня я чувствовала себя человеком. Не рабом, не офисным работником, а просто девушкой, которая жует бургер и смотрит в окно на чужой город.

В окне проехал трактор.

- Хочу домой, - сказала я себе. – В Москву.

Я дожевала медовик, вытерла губы, надела свои пять пакетов и поплелась на автовокзал.

- Билет в Задрищенку? – спросила кассирша, лениво щелкая семечки. – А нету. Автобус завтра в восемь утра.

- Как нету? – я чуть не уронила пакеты. – Только что же был!

- Был, да уехал. Следующий завтра, - она зевнула. – Можете в гостинице переночевать. У нас гостиница одна, «Уют» называется. Но там сейчас водопровод чинят.

Я представила ночь в гостинице с чинящимся водопроводом и без связи. И поняла, что лучше уж до ночи доехать автостопом.

- Спасибо, не надо, - сказала я вышла.

На улице уже смеркалось. Я нацепила бейсболку (чтобы не привлекать внимание) и зашагала к трассе, ведущей в сторону Задрищенки. Пакеты звенели, шуршали и оттягивали руки. Я сменила их положение раз десять: то несла впереди, как бампер, то сзади, как водопад, то под мышками, как костыли.

- Ну же, - шептала я, глядя на дорогу. – Остановись кто-

нибудь. Я не кусаюсь. Я просто хочу домой.

Мимо проезжали машины. Две – не остановились. Третья – притормозила, но водитель, увидев мои пакеты, покачал головой и уехал.

Потом из-за поворота вынырнула ярко-зеленая «шестерка». Ржавая, с отваливающимся бампером, с надписью на боку «Только вперед». Машина остановилась. Окно опустилось, и оттуда выглянул... мужчина. Заросший, с густой бородой, в кепке, с золотым зубом на переднем месте.

- Девушка, подвести? – спросил он голосом, который я идентифицировала как «точно убийца».

- Куда? – спросила я, делая шаг назад.

- Тебе куда надо, туда и довезу. Садись, не пожалеешь.

Я представила, как он везет меня в лес, как в новостях. Представила, как мои новые пакеты будут лежать на свалке. Представила светящееся счастьем лицо Александра, когда он узнает, что я не вернулась. Вот, кстати, почему я представила его лицо? Странно.

- Спасибо, я лучше пешком, - сказала я и сделала еще два шага назад.

- Ну как знаешь, - бородатый пожал плечами, и «шестерка» с ревом укатила, оставив за собой облако дыма.

Я выдохнула и пошла дальше. Стемнело окончательно. На дороге не было ни души. Только я, мои пакеты и луна, которая выглядывала из-за туч.

- Я не заплачу, - сказала я себе. – Я сильная.

Я почти заплакала.

И тут – грохот копыт. Я подняла голову и увидела вдали силуэт. Повозка. Настоящая, деревянная, телега, запряженная лошастью. На телеге сидел старик – в телогрейке, ушанке, с бородой как у деда Мороза, только без подарков.

- Девонька, ты чего на дороге в ночи? – спросил он, натягивая вожжи. – Заблудилась?

- Домой хочу, - сказала я, чувствуя, как голос дрожит. – В Задрищенку.

- О, так это я оттуда! – старик улыбнулся, показав беззубый рот. – Садись, подвезу. А то волки тут шастают.

Я посмотрела на темный лес по сторонам. И на повозку. И на добродушного старика, который пах сеном и самогоном. Выбор был очевиден.

- Спасибо, дедушка, - я влезла в телегу, закинула пакеты на сено и уселась сверху. – Как вас зовут?

- Дед Степан с, - ответил он. – А ты, видать, та самая, что у Сашки живет?

- Она самая, - вздохнула я.

- О, мне он наказывал за хозяйством присматривать. А я в огород за сбруей ездил. А ты, значит, самовольничаешь? – дед хохотнул. – Ну, держись, девонька.

Лошадь, которую звали звездочка, шла неторопливо, но уверенно. Телега тряслась на каждой кочке. Сено пахло летом. Звезды над головой казались ближе, чем в городе.

Дорога заняла два часа. Дед Степан знал дорогу, по кото-

рой можно было срезать путь. Мы ехали молча, только дед изредка покрикивал: «Но, родимая!» Я смотрела на небо и думала. О том, что этот месяц, наверное, изменит меня. Что я уже меняюсь. Что, возможно, даже ненависть – это не навсегда.

Но последнюю мысль я загнала в самый дальний угол сознания, прикрыла пакетами и сказала: «Не сейчас. Сначала контракт. Потом разберемся».

Когда телега въехала в Задрищенку, было уже совсем темно. Окна домов светились тусклым желтым светом. Где-то лаяли собаки. Дед Степан остановил лошадь у знакомого дома с зелеными ставнями.

- Приехали, - сказал он. – Слезай.

Я спрыгнула с телеги, забрала пакеты (теперь их было не пять, а семь – почему-то в дороге они размножились), и побрела к крыльцу.

Дверь дома была открыта. На крыльце стоял он.

Александр. В простой футболке и джинсах, без пиджака и запонок. Он смотрел на меня так, будто увидел привидение.

- Ты? – сказал он. – Я думал, ты сдалась. Сбежала.

- Сдалась? – я поставила пакеты на крыльцо и уперла руки в бока. – Сбежала? Да я за покупками ездила, между прочим! Потому что у меня не осталось ни одной приличной вещи после твоих грядок, заборов и прочих пыточных мероприятий!

Он молчал. Я подошла ближе. И тут во мне вскипело все,

что накопилось за день.

- А теперь объясните мне, - сказала я, повышая голос. — Какого черта я узнаю от шефа, что ты подписал контракт с конкурентами?! Ты обещал мне! Ты сказал, месяц — и контракт! А сам в Москву рванул с этой... с этой блондинкой, и давай подписывать все что попадя!

Он слушал. Не перебивал. Только смотрел.

- Я не подписывал с конкурентами, - сказал он спокойно. — Я подписал предварительное соглашение. С ними. А с вами — основное, если ты выдержишь месяц. Это разные вещи.

- Какие еще разные вещи? — я почти кричала.

- Такие, - он не повышал голоса. — Я свои обещания сдерживаю. Всегда. Если ты выдержишь здесь месяц — ты получишь контракт. А то, что я делаю с другими, тебя не касается. Это бизнес.

- Бизнес? — я задохнулась от возмущения. — Ты... ты...

- Я жду, - сказал он. — Ты выдержишь или сдашься? Выбор за тобой.

Я смотрела на него. В темноте его глаза блестели как угольки. Он не шутил. Он не врал. Я чувствовала это.

- Выдержу, - сказала я тихо. — Куда я денусь. Контракт нужен.

Он кивнул. Отошел в сторону, пропуская меня в дом.

- Тогда иди спать. Завтра рано вставать. Будем картошку окучивать.

- Что окучивать? — спросила я, уже заходя в дверь.

- Картошку. Увидишь, - он усмехнулся. – Кстати, про блондинку. Она моя сестра.

Я замерла.

- Что?

- Сестра. Двоюродная. Вечно лезет не в свои дела, - он пожал плечами. – А теперь спи. Завтра разговоры.

Он зашел в свою комнату и закрыл дверь.

Я стояла посередине зала с семью пакетами, с открытым ртом.

- Сестра, - прошептала я. – него есть сестра. Которая кладет ему руку на ногу и улыбается как...

Я не договорила. Потому что поняла, что очень, очень глупо выглядела сейчас. С криками, с обвинениями.

- Дура ты, Катрина, - сказала я себе и поплелась переодеваться.

Пижама с ананасами ждала меня. Плед ждал меня. Диван ждал меня.

Я рухнула на свою постель, закуталась головой и закрыла глаза.

Сестра. Всего лишь сестра.

- Лучше бы он был в нее влюблен, - прошептала я, засыпая. – Тогда была бы причина для ненависти. А так... что мне теперь ненавидеть? Только картошку.

В соседней комнате что-то стукнуло. Может, он тоже ложился. Может, он тоже думал.

А я уже спала. И мне снился он. В розовом комбинезоне со стразами.

Сказать, что я проснулась в ужасе? Не скажу. Потому что это было... забавно.

Но утром я обязательно расскажу ему про этот сон. И посмотрю на его лицо.

А завтра – картошка.

Глава 12

Утро началось с того, что петух, видимо, обиделся на мое вчерашнее отсутствие и орал под окном так, будто его резали. Я открыла глаза, и первое, что я увидела, - это солнечный луч, бьющий прямо в лицо. Второе – он. Александр стоял в дверях с кружкой чая и смотрел на меня.

- Доброе утро, соня, - сказал он. – Завтрак через пять минут. Сегодня картошка.

- Какая картошка? – спросила я, пряча голову под плед.

- Та, которую ты вчера обещала окучивать, - он поставил кружку на стол. – Вставай.

Солнце было высоко. Часы показывали половину седьмого. Половину седьмого, Карл! В Москве я в это время только заканчивала первый сон.

Я села, потянулась, и моя спина издала звук, похожий на треск льда. Вчерашняя поездка, сумки, телега – все дало о себе знать. Но отступать было нельзя.

- Встаю, - сказала я и поплелась умываться.

На завтрак была овсянка. С ягодами. Свежими, только что с куста. Я съела две тарелки, потому что знала: сегодня мне понадобятся силы. И терпение. И, возможно, валидол.

Одеваясь, я перебирала свои новые покупки. Джинсовые шорты – короткие, очень короткие, с оторванными нитками по краю. Футболка – белая, свободная, не хватает на ней надписи: «Спасите, я в Задрищенке». Кепка – черная, с местным брендом. Кроссовки – белые, с розовыми шнурками. Я посмотрела в зеркало. Выглядела как студентка-аграрий на летней практике.

- Нормально, - сказала я себе. – Главное, не перегреться.

Я вышла на улицу, и меня обдало жаром. С утра уже было градусов двадцать пять, а к обеду обещали все тридцать. Небо было чистым, без единого облачка.

Александр уже ждал у огорода. На нем были старые джинсы, рабочие ботинки и... футболка. Пока еще. Я вздохнула с облегчением.

- Ну что, ученица, - сказал он, протягивая мне тяпку. – Смотри и учись. Картошку окучивают так: подгребаешь зем-

лю к стеблям, чтобы клубни не зеленели. Поняла?

- Поняла, - кивнула я, хотя ничего не поняла.

Он показал. Быстро, ловко, земля летела во все стороны. У него получалось красиво, ровно, как будто делал это всю жизнь. А он, наверное, и делал.

- Теперь ты, - сказал он и отошел в сторону.

Я встала напротив первого куста, размахнулась тяпкой и... вонзила ее в землю. Земля разлетелась, но большая часть попала мне на кроссовки и на шорты.

- Не так сильно, - сказал он. – Аккуратнее. Не рубанком работаешь.

- Ах, не рубанком? – пробормотала я и попробовала снова. На этот раз земля полетела на него.

Он даже не пошевелился.

- Специально? – спросил он, стряхивая землю с плеча.

- Случайно, - соврала я.

Через полчаса я уже покрылась потом с головы до ног. Футболка прилипла к спине. Кепка промокла. Шорты были в земле. И тут он сказал:

- Жарко.

И снял футболку.

Я замерла. Тяпка повисла в воздухе. Я старалась не смотреть на него, но мои глаза, как два предательских радара, сами повернулись в его сторону.

Его торс был... ну... как у греческого бога, который решил подкачаться перед Олимпом. Загорелая кожа, мышцы, которые перекачивались под кожей при каждом движении, широкая грудь, узкая талия – и все это в лучах утреннего солнца, с капельками пота, блестящими как стразы.

- Ты чего замерла? – спросил он, даже не глядя на меня. – Картошка сама не окутится.

- Я... я не замерла, - выдавила я. – Я просто... я... солнце в глаза!

Я отвернулась и с удвоенной силой вонзила тяпку в землю. Земля полетела. На этот раз на меня. Я была похожа на

крота после подкопа.

Он работал рядом. Я чувствовала его присутствие кожей. Каждый раз, когда он наклонялся, я краем глаза видела его спину, плечи, его руки, которые сжимали черенок тяпки. Я пыталась не смотреть. Правда пыталась. Но моя голова поворачивалась сама собой, как будто у нее был свой собственный разум.

- Ты смотришь на меня, - сказал он вдруг.

- Нет! – я резко отвернулась и запнулась о картофельный куст. Тяпка вылетела из рук, я взмахнула руками, потеряла равновесие и... плюхнулась прямо в грядку. С ног до головы.

- Боже мой, - сказала я, лежа в земле. – Я на грядке. Я лежу на картошке.

- Вижу, - он подошел и протянул руку. Я взялась, и он одним движением поднял меня, как пушинку. Наши лица оказались слишком близко. Слишком близко для человека, которого я должна ненавидеть.

- Ты земляной червяк, - сказал он, но в его глазах плясали смешинки.

- Ты сам виноват, - ответила я, отряхивая шорты. – Не надо было снимать футболку. У тебя... бликует.

- Бликует?

- Кожа блестит. От солнца. Мешает работать.

Он усмехнулся, но футболку надевать не стал.

Через два часа мы закончили с картошкой. Я еле стояла на ногах. Спина не гнулась. Руки дрожали. Я походила на зомби – огородника.

- Теперь сарай, - сказал он.

- Что сарай? – я с ужасом посмотрела на него.

- Сено надо скинуть с крыши. Старое, освободим место для свежего. Пойдем.

Сарай оказался большим деревянным строением за домом. Внутри пахло сухой травой, пылью и мышами (надеюсь, только мышами). На чердаке лежало сено – прошлогоднее, желтое, колючее.

- Ты полезешь наверх, - сказал он, показывая на лестницу.

– Вилами будешь скидывать, я внизу принимать. И вот, - он достал из кармана платок. Яркий, с цветами. – Завяжи лицо. Пыли много. Надышишься – будешь потом кашлять.

Он подошел ко мне, и прежде чем я успела возразить, его пальцы уже завязывали платок у меня на лице. Аккуратно, даже нежно. Ткань пахла лавандой. Его пальцы касались моих щек, и я чувствовала, как кровь приливает к лицу.

- Готово, - сказал он, отступая.

- Спасибо, - прошептала я из-под платка.

Я забралась наверх по скрипучей лестнице. Там было пыльно, темно и сухо. Сено хрустело под ногами. Я взяла вилы (тяжелые, с длинной ручкой) и начала скидывать вниз.

Пых, пых, пых – куски сена летели вниз, и я слышала, как он ловит их или отбрасывает в сторону. Работа шла спокойно, даже медитативно. Я уже почти привыкла к тому, что он внизу, я наверху, мы вместе делаем одно дело.

- Еще немного, - крикнул он снизу.

- Еще немного, - повторила я, скидывая очередную охапку.

Я потянулась за следующим куском, наступила на край сена... и оно поехало. Под ногами неожиданно стало скользко, я взмахнула вилами, потеряла равновесие и... полетела.

- А-а-а! – заорала я, но мой крик заглушила мягкая, вязкая, пыльная масса, в которую я провалилась.

Сено. Я упала в сено. Глубоко, по самую макушку. Я лежала в теплой, колючей, пахнущей летом куче, и надо мной был только маленький просвет – дыра, откуда я свалилась.

- Катрина! - услышала я его голос. – Ты жива?

- Жива, - пропищала я из сена.

Я попыталась пошевелиться, но сено держало меня крепко, как болото. Оно забилося под футболку, в шорты, в кроссовки. Мне было щекотно и одновременно ужасно.

- Не дергайся, - раздалось сверху. – Я сейчас.

Я услышала, как он залез на лестницу, потом прыгнул вниз, прямо в кучу. Сено зашуршало, и я почувствовала, как его руки нащупывают меня в темноте.

- Где ты? – спросил он.

- Здесь! – закричала я. – Зачем ты прыгнул? Теперь мы оба застряли!

- Не застряли. Держись за меня.

Его рука обхватила мою талию. Другая за плечо. Он потянул. Я поползла вверх, как червяк, как гусеница, как пресмыкающееся, но без всякого достоинства. Сено царапало, кололось, лезло в нос.

Он одним рывком выдернул меня из кучи.

Мы оба вывалились из сена на пол сарая. Сверху посыпались последние клочья. Я лежала на спине, он рядом, тяжело дыша. Мы оба были похожи на снопы сена – в волосах, в ушах, за пазухой.

- Я вся в колючках, - простонала я.

- Я тебя вытащил. Могла бы спасибо сказать, - ответил он.

- Спасибо, - буркнула я, вытаскивая соломинку изо рта.

Мы лежали рядом и смотрели в потолок. Тишина. Только

где-то кудахтали куры.

- Ты упала очень комично, - сказал он.

- Ты прыгнул очень глупо, - ответила я.

- Это чтобы тебя вытащить.

- Мог бы просто руку протянуть.

- Не достал бы.

- Достал бы.

- Не спорь.

Я замолчала. Потому что он был прав. Он действительно меня вытащил. И в этот момент, лежа в пыльном сарае, вся в сене, с платком на лице, я вдруг поняла, что не злюсь на него. Совсем. Даже чуть-чуть.

- Ладно, - сказала я. – Спасибо. Честно.

- Пожалуйста, - он встал и протянул мне руку. – Вставай, сенокосилка. На сегодня хватит. Иди в баню. Отмывайся.

Я взяла его руку, поднялась и отряхнулась. Сено сыпалось с меня, как дождь. С футболки, из шорт, из кепки.

- Я весь дом засорю, - сказала я.

- Ничего, - он улыбнулся. – Уберешь.

Баня была истоплена загодя. Я бежала к ней, разбрасывая солому, и думала только об одном: горячая вода, мыло, веник, чистота.

Я залезла в большое корыто с горячей водой и зажмурилась от удовольствия. Тело кололось, мыло пенилось, вода смывала пыль, усталость и... странные чувства, которые я не хотела в себе признавать.

Глава 13

Я вышла из бани, и первое, что я увидела, - это огонь. Не пожар, нет. Красивый, уютный костер, который горел посреди двора. Рядом с ним стоял мангал, сложенный из красного кирпича, такой основательный, как будто его строили на века. Над мангалом вился дымок, пахло жареным мясом, и у меня потекли слюнки.

- Что это? – спросила я, подходя ближе.

Мои шлепанцы с котиками хлюпали по мокрой траве.

Александр стоял у мангала в чистой футболке (на этот раз без обнаженки, к счастью или к сожалению – я еще не решила), с шампуром в руке. Он переворачивал мясо, и оно шипело, как будто радовалось жизни.

- Шашлык, - сказал он. – Мы сегодня заслужили. Ты – потому что не сломалась после падения в сено. Я – потому что тебя вытащил.

- Я чуть не умерла от пыли, - напомнила я.

- Но не умерла, - он кивнул в сторону теплицы. – Сходи за овощами и зеленью. Огурцы, помидоры, укроп, петрушка. И заодно полей. Все равно делать нечего.

- А ты?

- А я пока в баню схожу.

Он ушел, а я отправилась в теплицу.

Там было душно, но приятно. Пахло помидорами и летом. Я набрала огурцов (хрустящих, пупырчатых), помидоров (красных, как мои щеки после бани), сорвала пучок укропа и петрушки, а потом взяла лейку и полила все, что растет. Кусты благодарно зашумели листьями.

Когда я вернулась, Александра еще не было. Зато во дворе появился дед Степан. Он сидел на скамейке, держал в руках бидон молока и улыбался беззубым ртом.

- Девонька, - сказал он, - я корову подоил. Молоко себе заберу, а Сашке скажи, что я тут. Он меня звал.

- Вы будете с нами шашлыки? – спросила я.

- А то! – дед Степан хлопнул себя по коленям. – Я без

шашлыка как без воздуха. И самогон принес. Домашний. Крепкий.

Он похлопал по бидону, но это был не молочный бидон, а другой, поменьше. Я сделала вид, что не поняла намека.

Александр вышел из бани через пятнадцать минут. Волосы мокрые, на футболке – капли воды. Он выглядел так, будто только что сошел с обложки журнала «Мужское здоровье» (деревенский выпуск).

- О, Степан, уже здесь, - он кивнул деду. – Давай стол накрывай.

Мы поставили длинный деревянный стол во двор, лавки с обеих сторон. Я расстелила скатерть (нашла в доме – льняную, с вышитыми петухами), выложила овощи, зелень, хлеб, поставила тарелки, вилки, ножи. Александр снял шашлык с мангала – мясо было сочным, румяным, пахло чесноком и перцем – и выложил на большое блюдо.

- Садись, - сказал он мне.

Я села. Дед Степан сел. Мы начали есть. Я отщипнула кусочек шашлыка, и он растаял во рту. Боже мой, это было лучшее мясо в моей жизни. Или мне просто показалось от

усталости и голода?

- Вкусно, - сказала я.

- Знаю, - ответил он.

И тут из-за забора высунулись две знакомые головы в платках. Васильевна и Глафира.

- Ой, а что это у вас? – спросила Васильевна. – Шашлычком пахнет. Мясом.

- Садитесь, бабушки, - вздохнул Александр. – Раз уж пришли.

- Ой, да мы... неудобно как-то, - застеснялась Глафира, но ее ноги уже несли ее к столу. – Ну раз приглашаете, отчего же не посидеть?

Они уселись на лавку, подвинув меня локтями. Я оказалась между Васильевной и дедом Степаном. Александр сидел напротив.

- Саша, а где та блондинка? – спросила Васильевна, накладывая себе мяса. – Уехала что ль?

- В Москве, - коротко ответил он.

- Жалко. Не приедет что ль?

- Нет, - отрезал он.

Бабушки переглянулись и захихикали. Я не поняла, над чем, но решила не вникать.

Через десять минут к столу подтянулись еще люди. Сначала сосед дядя Витя, который нес банку соленых огурцов. Потом тетя Зина из магазина – в том же цветастом халате, с пирогом. Потом молодые парни из фермы – двое, веселые с гитарой. Потом женщина с детьми – дети сели на траву, потому что места за столом уже не было.

- А мы к вам! – кричали все. – Мы по запаху! Мы шашлык любим!

Через час за столом сидело двенадцать человек. Плюс дети на траве. Плюс кот, который терся о ноги. Плюс куры, которые клевали крошки. Двор гудел как улей. Александр разливал компот, потом кто-то принес еще мясо, потом бабушки поставили на стол самогон.

Самогон был в графине. Прозрачный, как слеза, и пахло

от нее так, что у меня защипало в носу.

- Это самогон? – спросила я.

- Домашний, с любовью, - сказал дед Степан и налил себе полный граненый стакан. – Вот это размер! Пьешь – и сразу понимаешь, что ты мужчина.

- Или женщина, - подмигнула Васильевна. – Мы тоже умеем.

Она налила себе поменьше, но тоже прилично.

Александр сидел напротив и смотрел на меня. В его глазах снова зажглись те самые черти.

- Спорим, - сказал он, - ты не выпьешь граненый стакан самогона залпом?

Я замерла.

- Что? Зачем?

- Пари, - он улыбнулся. – Если выпьешь – завтра не будешь чистить хлев. Если нет – будешь.

- Хлев я и так не чистила!

- Будешь, - повторил он. – С Буренкой. Она добрая, но иногда бодается.

За столом загудели:

- Давай, девка! Покажи, на что способна!

- Не ссы, Кать! Самогон мягкий!

- Я, в твои годы, по три стакана пила!

- А я по пять!

- А я по десять, но потом чуть душу Богу не отдал!

Я посмотрела на стакан. Граненый, толстостенный, литров на 0,25, наверное. Самогон в нем переливался, как нефть. Внутренний голос кричал: «Не пей, дура! Ты же офисный планктон! Ты пьешь только просекко на корпоративах!»

А другой внутренний голос (тот самый, который заставил меня согласиться на месяц в деревне) сказал: «А докажи ему. Контракт на кону. И вообще, это будет весело!»

- Идет, - сказала я, взяла стакан и подняла его. – За контракт!

- За контракт! – завопили все.

Я выдохнула, зажмурилась и выпила.

Честно, думала умру.

Самогон обжег горло, как огненная река. Он прошел сквозь меня, как поезд через туннель, и остановился в животе, где разогрелся маленький костер. Я закашлялась, вытерла губы рукавом и выдохнула:

- Все.

- Ого! – восхитился дед Степан. – Молодец, девка!

- Она пить умеет! – засмеялась тетя Зина.

Александр смотрел на меня с уважением. Или с удивлением. Или с чем-то еще, что я не могла разобрать, потому что в глазах у меня уже начало двоиться.

- Закусывай! – сунули мне в руку огурец.

Я закусила. Огурец был хрустящим и вкусным.

А потом началось веселье.

Кто-то достал гитару и запел «В лесу родилась елочка». Не потому что зима, а потому что других песен не знал. Потом тетя Зина пустилась в пляс. Прямо на траве, в халате и бигуди. Потом дед Степан рассказал историю про то, как он медведя в лесу встретил – медведь, по его словам, испугался и убежал. Потом Васильевна показала, как она косит сено – она косила прямо воздух, чуть не сбив Глафиру. Потом дети залезли на яблоню и начали кидаться яблоками. Одно прилетело мне в голову.

- Ой, - сказала я, потирая макушку.

- Пей давай, - сказал дядя Витя и налил мне еще полстакана.

- Я не буду, - попыталась отказаться я.

- За встречу! – крикнул кто-то.

- За любовь! – крикнул кто-то еще.

- За Сашку и Катьку! – заорали бабушки хором.

- Мы не... - начала я, но стакан уже был в руке.

Я выпила. На этот раз легче. Третий стакан не помню. Кажется, его не было. Или был.

Я помнила, как плясала с дедом Степаном. Как пела «Катюшу». Как пыталась объяснить тете Зине, что такое «контракт», и она кивала и говорила: «Ага, значит, расписка». Как кто-то (кажется, Александр) подарил мне цветок. Какой-то полевой, ромашку. Я сунула ее за ухо и забыла.

А потом я сидела на скамейке, обнимала кота (рыжего, который из магазина, он тоже пришел на запах) и смотрела на звезды.

- Ты пьяна, - сказал Александр, садясь рядом.

- Я трезвая как стеклышко, - ответила я. – А ты иди отсюда. Ты меня бесишь.

- А ты меня бесишь, - он улыбнулся. – Пойдем, спать. Завтра рано вставать.

- Не пойду. Я тут сяду и буду смотреть на... на это, - я

махнула рукой на небо.

- На что?

- На красивое. На природу. На тебя. Ты тоже красивый. Но вредный.

Я закрыла ему рот рукой. Он убрал мою руку, но не сразу.

- Спать, - сказал он твердо. – Все.

Он поднял меня на руки. Как пушинку. Я не сопротивлялась, потому что плыть по воздуху было приятно.

- Ты сильный, - сказала я, прижимаясь к его плечу. – Но вредный.

- Я слышал.

Он занес меня в дом, положил на диван, укрыл пледом. Я схватила его за руку.

- Саша, - сказала я. – Ты подпишешь контракт?

- Подпишу, - ответил он. – Если ты не умрешь от самогона.

- Я не умру. Я живучая.

Он убрал руку. Постоял, посмотрел на меня. Я закрыла глаза. В голове шумело, но было тепло и хорошо.

- Катрина, - сказал он тихо.

- М-м-м?

- Ты ромашку потеряла.

Я открыла один глаз. Он держал в руке цветок, который выпал у меня из-за уха.

- Положи на место, - сказала я и снова закрыла глаза.

Я почувствовала, как его пальцы аккуратно заправили ромашку мне за ухо. Как его дыхание коснулось щеки. Как он помедлил секунду лишнюю.

- Спокойной ночи, - сказал он и ушел.

А я лежала, пьяная, счастливая, с ромашкой за ухом, и думала: «Кажется, я влюбляюсь. Это контракт. Это не любовь. Это самогон».

Я уснула с улыбкой идиотки. А за окном все гуляла дерев-

ня, пела песни и пила самогон.

Завтра будет похмелье. Но об этом я подумаю завтра.

А сегодня – сегодня было весело. Впервые за долгое время.

Спасибо, Задрищенко. Спасибо, вредный красавчик.

Я, кажется, начинаю вас... ненавидеть еще сильнее? Или наоборот.

Самогон, ты все перепутал.

Глава 14

Я проснулась от того, что кто-то бил меня молотком по голове. Изнутри.

Нет, сначала я подумала, что надо мной стоит петух и долбит клювом в висок. Потом я поняла, что петух здесь не при чем – это моя собственная голова решила устроить фестиваль ударных инструментов. Где-то в затылке играл марш, в висках отбивали ритм барабаны, а язык во рту лежал как старый войлок, который кто-то предварительно замочил в уксусе.

Я открыла один глаз. Свет. Слишком много света. Солнце било в окно, как будто лично обиделось на меня. Я зажмурилась, перевернулась на другой бок, и мой желудок совершил кульбит, напомнив мне, что вчера я пила не компот.

- О-о-о, - простонала я, сворачиваясь калачиком под пледом. – За что?

В голове начали всплывать фрагменты вчерашнего. Самогон. Граненый стакан. Васильевна, пляшущая под гитару. Дед Степан, рассказывающий про медведя. И я. Я, поющая «Катюшу» и пытающаяся объяснить тете Зине, что такое синергия.

- Это была не я, - прошептала я. – Это был клон. Злой клон.

Плед пах вчерашним дымом костра. Волосы – тоже. Я понюхала себя и чуть не задохнулась. Я пахла как шашлык, который три дня пролежал на солнце.

- Я умру, - сказала я. – Сейчас. Прямо здесь. На этом диване. И виноват в этом будет он. Александр Ветров. Потому что это он предложил пари. Он налил мне этот граненый стакан. Он сказал: «Спорим, не выпьешь». Я выпила. И теперь я труп. Офисный труп в деревне.

Я с трудом приподнялась. Моя голова весила как чугуновый мост. Я села, обхватила ее руками и стала ждать, когда сознание вернется ко мне насовсем.

В комнате было тихо. Печка не топилась. На столе стоял стакан воды и тарелка с черным хлебом. И записка. Я взяла ее трясущимися руками.

«Завтрак на плите. Работать не заставляю. Ты сегодня бесполезна. Не вздумай умереть, контракт на кону».

Я прочитала записку два раза, потом третий. И выдохнула.

- Он сдержал слово, - сказала я хрипло. – Не заставляет работать. Ангел. Нет, дьявол. Потому что ангелы не спаивают людей гранеными стаканами.

Я подошла к печке. Там стояла кастрюля с чем-то. Я открыла крышку – рассол. Огуречный рассол. С запахом укропа и чеснока.

- Кто бы мог подумать, - прошептала я, наливая себе кружку. – Он знает, чем лечить похмелье. То есть он сам меня напоил, а теперь лечит. Логично?

Рассол обжег горло, но по телу разлилось тепло. Голова чуть-чуть отпустила. Я съела кусок хлеба, выпила еще рассола и села на лавку.

Время было... я посмотрела на часы на печке. Десять утра. Я проспала почти до обеда. Это был рекорд.

За окном шумели деревья. Где-то пели птицы. Солнце поднималось все выше, и в доме начинало припекать.

- Нужно в воду, - сказала я себе. – Освежиться. Прийти в себя. Только где здесь вода?

Вспомнила. Вчера, когда шла от церкви, я видела пруд. Красивый, с кувшинками, с мостками. Метрах в трехстах от дома. Идеально.

Я натянула на себя чистое белье (трусы, бюстгальтер – сегодня без кружев, только хлопок, чтобы не давило), взяла полотенце, бейсболку, шлепанцы с котиками и тихонечко выскользнула из дома. Александра нигде не было видно – наверное, ушел на ферму или еще куда. Тем лучше.

На улице был уже почти полдень. Солнце пекло, трава шелестела, где-то жужжали пчелы. Я шла к пруду, спотыкаясь о корни, и каждый шаг отдавался болью в голове.

- Ты это заслужила, - шептала я себе. – Зачем ты поспорила? Зачем выпила? Ты же офисная крыса, ты пьешь только просекко на корпоративах и то с трудом.

Пруд оказался на месте. Вода – темная, но чистая, с зелеными кувшинками и ряской у берегов. Мостики деревянные, немного прогнившие, но держались.

Я разделась. Скинула шлепанцы, сняла футболку, бейсболку. Осталась в белом хлопковом белье. Посмотрела на себя в воду – отражение было бледным, с синяками под глазами и растрепанными волосами.

- Нырять, - сказала я себе. – Хуже не будет.

Я шагнула с мостков и провалилась в воду.

Холод. Огромный, обжигающий, отрезвляющий холод. Он ударил по ногам, по животу, по груди, по голове. Я вынырнула, громко вдохнула и почувствовала, как жизнь возвращается в меня. Не сразу, не вся, но хотя бы сознание прояснилось.

- О-о-о! – закричала я. – Хорошо!

Я поплавала немного, нырнула еще раз, потом вылезла на берег, на траву, расстелила полотенце и легла. Солнце грело. Вода стекала с тела, и в голове наступила благословенная тишина.

- Вот оно, счастье, - прошептала я. – Лежать на траве, смотреть в небо, ни о чем не думать. Особенно о нем. О контракте. О грядках. О то, что я здесь делаю.

Я закрыла глаза и начала понемногу засыпать, как вдруг услышала шаги. Не одни. Несколько. Грубые, хрустящие по гравию. Я открыла глаза и села.

К берегу подходили двое. Мужчины. Не местные. Я сразу поняла – по одежде, по лицам, по тому, как они смотрели. Один – в спортивном костюме, с золотой цепью на шее, лысый. Второй – в кепке, с удочками, щетинистый, с глазами

как у хорька.

- О, глянь, - сказал лысый, останавливаясь. – Русалка.

- Нифига себе русалка, - поддакнул второй, ставя удочки на землю. – В белье. С котиками.

Я отодвинулась на полметра назад, натягивая полотенце на плечи.

- Доброе утро, - сказала я максимально холодно. – Вы местные?

- Мы-то? – лысый усмехнулся. - А мы рыбаки. Из района приехали. Тут карп ловится, говорят. А ты, красавица, откуда? Не видали мы тебя раньше.

- Я... я в гостях, - ответила я, лихорадочно соображая, как одеться.

Моя футболка и бейсболка лежали в трех метрах от меня. Шлепанцы – еще дальше.

- В гостях, значит, - щетинистый шагнул ближе. – А у кого в гостях? Может, у нас? Мы тут недалеко остановились, палатки поставили.

- У меня уже есть, у кого, - я встала и попыталась сделать шаг к одежде, но лысый преградил путь.

- Ты чего такая нервная? Мы же просто поговорить. Познакомиться. Девушка одна, купается в белье... Может, скучно? Составим компанию.

У меня внутри все похолодело. Не от воды – от страха. Я понимала, что они не опасны, может быть, просто навязчивы, но в моем состоянии – после похмелья, в чужой дерев-

не, без связи, без одежды – я чувствовала себя загнанным зверьком.

- Пожалуйста, отойдите, - сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Я сейчас оденусь и уйду.

- Да ты не спеши, - лысый улыбнулся, и улыбка у него была масляная. – Куда торопиться? День только начался. Может, пива? У нас в машине есть.

Он сделала шаг ко мне. Я сделала шаг назад, к воде.

И тут, откуда-то из-за деревьев, раздался голос. Низкий, спокойный, властный, как команда на флоте.

- Дорогая, ты где пропадаешь? Я тебя обыскался.

Я обернулась. К нам вышел он. Александр. В джинсах, в рабочей рубашке с закатанными рукавами. Он шел неторопливо, но в каждом его движении чувствовалась сила. Подошел ко мне, обнял за плечи, притянул к себе. Крепко, уверенно.

- Ты чего одна купаешься? – сказал он мне, но смотрел на мужчин. – Я же просил меня подождать.

- Прости, - выдавила я, прижимаясь к нему.

Боже мой, я прижимаюсь к Александру. В трусах и лифчике. Но это было так естественно – потому что он пах домом, безопасностью, и его рука на моем плече не давала мне упасть.

- А вы кто? – спросил Александр рыбаков, и в голосе зазвенел лед.

- Мы... это... рыбачим, - лысый попятился. – Девушку

увидели, думали, одна тут.

- Она не одна. Она со мной. Вопросы?

- Нет, нет, никаких вопросов, - щетинистый схватил удочки и потянул лысого за рукав. – Мы пошли. Мы это... на другой берег. Бывайте.

Они быстро удалились, бормоча что-то невнятное. Я смотрела им вслед и чувствовала, как дрожь проходит.

Александр развернул меня к себе.

- Ты дура, - сказал он. – Абсолютная дура.

- Спасибо за комплимент, - ответила я дрожащим голосом.

- Ты одна пошла купаться. Не предупредив меня. В нижнем белье. Ты представляешь, что могло случиться? – он не кричал, но каждое слово было как гвоздь.

- Они бы ничего не сделали, - попыталась оправдаться я.

- Откуда ты знаешь? – он сжал мои плечи. – Ты не в Москве, Катрина. Здесь другие законы. И если с тобой что-то случится – я не смогу...

Он замолчал. Не договорил.

- Не сможешь что? – спросила я тихо.

- Не сможешь подписать контракт, - сказал он резко и отпустил меня. – Одевайся. Идем домой.

Я быстро натянула футболку, бейсболку, схватила полотенце и шлепанцы. Мы шли молча. Он впереди, я сзади, спотыкаясь и чувствуя себя нашкодившей школьницей.

- Больше одна на пруд не ходи, - сказал он, не оборачива-

ясь.

- А с кем мне ходить? С тобой?
- Хотя бы предупреждай.
- А если ты занят?
- Тогда не ходи.
- Ты не можешь мне запрещать!

Он остановился, повернулся и посмотрел на меня. В его глазах была злость. И страх? Нет, показалось.

- Могу, - сказал он. – Потому что ты в моем доме. На месяц. Это условия. Еще раз пойдешь одна купаться – запру в сарае.

- Ты не посмеешь!
- Посмею, - он развернулся и пошел дальше.

Дома меня ждала кастрюля. Куриный бульон. Золотистый, ароматный, с лавровым листом и укропом. Александр налил мне тарелку, поставил на стол и сел напротив.

- Ешь, - сказал он. – Это лучшее лекарство от вчерашнего.

Я ела. Бульон был горячим, наваристым, и с каждым глотком я чувствовала, как оживаю. Голова перестала раскалываться. Желудок успокоился.

- Спасибо, - сказала я, опустошив тарелку. – Ты умеешь готовить бульон.

- Я знаю, - ответил он. – А еще я умею спасать дурынд, которые лезут на пруд в белье.

- Я не дурында. Я была в стрессе. Похмелье.

- Похмелье – это не повод голой ходить по деревне.

- Я не была голой! У меня было белье!

Он усмехнулся:

- Красивое.

Я покраснела. До корней волос.

- Ты... ты не должен был это видеть.

- Я смотрю на тебя каждый день. Не в этом дело, - он встал и убрал тарелку. – Время два часа дня. Ты проспала все утро. Продолжай отдыхать. Толку от тебя все равно сегодня нет. Еще раз выйдешь из дома без меня – пеняй на себя.

- Ты меня запер, что ли?

- Нет, но могу, - он ушел в свою комнату и закрыл дверь.

Я осталась сидеть за столом, с пустой тарелкой, с теплым животом и с странным чувством в груди. Он спас меня. Опять. Сначала от падения с лестницы, потом при падении в сено, теперь от приставучих рыбаков.

- Нет, - сказала я себе. – Контракт. Только контракт. Ничего личного.

Я подошла к дивану, упала на него, накрылась пледом и уставилась в потолок.

- Я тебя ненавижу, Александр Ветров, - прошептала я. – За то, что ты заставляешь меня чувствовать себя... живой.

За окном светило солнце. Где-то пели птицы. И впервые за долгое время мне не хотелось в Москву.

Вообще не хотелось.

И это было страшнее, чем самогон.

Глава 15

В четыре часа дня я проснулась от того, что Александр возился у двери. Он надевал резиновые сапоги, старую куртку и, кажется, собирался сбежать на край света без меня.

- Ты куда? – спросила я, свешиваясь с дивана.

Голос еще напоминал вчерашний самогон, но голова уже почти не болела.

- На ферму, - бросил он, застегивая молнию.

- Я с тобой.

Он повернулся и уставился на меня. Взгляд был красноречивее слов: «Ты серьезно? Ты, в пижаме с ананасами, хочешь на ферму?»

- Я быстро, - сказала я и выпрыгнула из-под пледа.

Через пять минут я была готова: джинсовые шорты, футболка, кепка и кроссовки. Я даже накрасилась – чуть-чуть, тональный крем и тушь. Чтоб не как чучело.

- Ты собралась в клуб? – спросил он, оглядывая меня. – На ферму идут в резиновых сапогах и телогрейке.

- А у меня нет телогрейки.

Я надулась, но пошла за ним.

УАЗик трясло так, что мои зубы выбивали чечетку. Дорога до фермы была короткой, но ухабистой, и за это время я успела удариться головой о потолок, прикусить язык и проклясть Александра раз двадцать.

- Тебе идет, когда ты злая, - сказал он, паркуясь у огромных ворот.

- А тебе идет, когда ты молчишь, - ответила я, вылезая.

Первое, что я увидела, - это поле. Нет, не поле – царство. Коровники, телятники, силосные башни, тракторы. И запах... Боже мой, запах. Он ударил в нос, как боксерская перчатка.

- Что это? – прошептала я, зажимая нос руками.

- Ферма, - сказал он. – Запах навоза. К нему привыкаешь.

- Не привыкну!

- Привыкнешь. Ты здесь на месяц.

Мы вошли в первый коровник. Темно, гулко, мычат коровы. Я шла за Александром, стараясь не наступать в лужи. Но одна лужа (или не лужа – лучше не думать) оказалась глубже, чем я ожидала. Моя нога провалилась по щиколотку, и кроссовок издал звук, похожий на всхлип умирающего зверька.

- Мои кроссовки! – заорала я.

- Я предупреждал, - сказал он, даже не обернувшись.

- Теперь эти кроссовки можно сжигать, - сказала я, вздохнув.

Доярки встретили нас с восторгом. Точнее, с восторгом встретили Александра. А меня – с любопытством.

- Ой, Саша, привел кого! – сказала тетя Маша, полная женщина в халате и резиновом фартуке. – Девка-то красивая. А чего такая белая? Ты ее из города выписал?

- Сама приехала, - буркнул Александр. – Контракт подпи-

сывать.

- А-а-а, - понимающе протянула тетя Маша. – Ну, давай, милая, иди сюда. Познакомлю тебя с Буренками.

- С кем? – переспросила я.

- С коровами. Они у нас добрые, не бодаются.

Я подошла к одной из Буренок. Огромная, черно-белая туша смотрела на меня влажными глазами и пережевывала жвачку. Я протянула руку, чтобы погладить ее, но Буренка вдруг чихнула. Прямо на меня. Сопливая слюна повисла у меня на футболке.

- А-а-а! – завопила я, отскакивая.

- Она тебя приняла, - сказал Александр, и я готова была поклясться, что в его глазах плясали черти.

- Ты специально привел меня сюда, чтобы унижить? – прошипела я, вытирая футболку.

По факту, это я напросилась с ним на ферму. Золотое правило каждой женщины – всегда винить во всем мужчину. И делать это нужно всегда первой.

Тетя Маша захихикала, доярки заулыбались. Я чувствовала себя клоуном в цирке, только без зарплаты и страховки.

Потом мы пошли в телятник. Маленькие коровки были милыми, пушистыми и выглядели как огромные щенки. Я даже умилилась.

- Хочешь покормить? – спросил Александр, протягивая мне ведро с соской.

- Хочу, - сказала я, потому что теленок смотрел на меня такими глазами, что отказать было невозможно.

Я взяла ведро. Оно было тяжелым, и молочная смесь плескалась через край. Я подошла к теленку, наклонилась, чтобы дать соску, и в этот момент теленок лягнул. Не меня – ведро. Ведро вылетело у меня из рук, перевернулось в воздухе, и все его содержимое вылилось мне на голову.

Смесь текла по лицу, по волосам, за шиворот. Я стояла, раскинув руки, и почувствовала, как мир рушится.

- Стоило снимать на видео, - сказал Александр. – Это был бы хит интернета.

- Ты... ты... - я не могла подобрать слова. Вместо слов изо

рта потекла молочная смесь.

- Я тебя предупреждал, что ферма – это не твой офис, - он достал из кармана платок и протянул мне. – Вытрись.

Я вытерла лицо. Платок мгновенно промок.

- Я ненавижу тебя, - сказала я.

Александр взял другое ведро и показал, как кормить. Аккуратно, спокойно, теленок сосал и мурлыкал.

- Вот так надо было.

Я замолчала, глубоко вдохнула, наклонилась перед другим теленком и тихо-тихо, как учила в школе переговоров: «Ну, маленький, давай, кушай. Видишь, какая вкусная смесь?»

Теленок приблизился, понюхал соску и начал сосать. Я выдохнула.

- Гений переговоров, - сказал Александр. – Сделала то, что я делаю каждый день.

- Ты просто завидуешь моему таланту, - ответила я.

Следующим пунктом была силосная яма. Яма с кормом для коров. Запах был там такой, что глаза слезились.

- Зачем ты меня сюда привел? – спросила я, зажимая нос.

- Чтобы ты знала, чем кормят коров. Это важно для понимания бизнеса.

- Понимание бизнеса – это цифры, а не запахи!

- А вот и нет, - он улыбнулся. – Иногда бизнес пахнет. И тебе лучше к этому привыкнуть.

Я шла за ним, стараясь не дышать. И, конечно, поскользнулась. На ровном месте. На силосе. Мои ноги разъехались, и я плюхнулась прямо в кучу зеленой массы. Шорты, футболка, кроссовки – все оказалось в силосе.

- Вот теперь ты настоящий фермер, - сказал Александр, протягивая мне руку.

Я не взяла руку. Я встала сама, отряхнулась (бесполезно) и посмотрела на него с такой ненавистью, что, наверное, можно было поджарить стейк.

- Ты сделал это нарочно, - сказала я.

- Нет, это ты неуклюжая. – Он пожал плечами. – Пойдем, покажу, где умыться.

Умывальник был во дворе. Ржавый, с педалью. Я нажала на педаль – вода полилась, но она была ледяная. Я плескала ее в лицо, оттирала силос с рук и бормотала: «Я тебя убью, Александр Ветров. Я тебя убью, и никто не найдет твоё тело. Закопаю в силосной яме».

- Я слышу, - сказал он, стоя в двух метрах.

- Ну и пусть! – крикнула я.

- Александр Сергеевич, здравствуйте! – раздался голос из-за перегородки.

К нам подошел мужчина лет шестидесяти, в телогрейке, кирзовых сапогах и с лицом, которое видело все: и рождение телят, и кризисы, и, кажется, самого Александра еще в пеленках.

- Это председатель фермы, дядя Коля, - сказал Александр. – А это Картина. Она у меня... в гостях.

- О, гостья, - дядя Коля протянул мне руку. Рука бы-

ла шершавая, теплая. – Добро пожаловать, красавица. Ты, смотрю, выжила после вчерашнего? А то мы слышали, ты самогон пила как заправский мужик.

Я посмотрела на Александра. Тот стоит, улыбается.

Кажись, вся деревня уже в курсе насчет вчерашнего.

- Угу, - промычала в ответ.

- Молодец! – он хлопнул меня по плечу так, что я чуть не упала. – Наша девка. Сашка, хорошую девку привез.

- Я не привозил, она сама приехала, - буркнул Александр.

В конце экскурсии мы зашли в контору фермы. Маленькое здание, где пахло бумагами и кофе. На стене висела фотография: Александр с доярками, с председателем, с какими-то мужиками.

- Ты здесь главный? – спросила я, догадываясь.

- Владелец, - поправил он. – Но работаю так же, как все. Ладно, поехали домой. Отмываться. Ты воняешь как...

- Не смей говорить, как я воняю!

- Как корова, - закончил он.

Я села в УАЗик, сложила руки на груди и отвернулась к окну.

Дома я сразу побежала в баню. Я мылась целый час. Сначала с мылом, потом с шампунем, потом снова с мылом. Запах силоса не выводился. Казалось, он въелся в ДНК.

- Я пану как корова, - сказала я, выходя из бани в пижаме.

- Я привык, - ответил Александр, который сидел на крыльце и смотрел на закат.

- Это не комплимент.

- А я и не делаю комплиментов.

Я села рядом с ним на крыльцо. Мы молчали. Закат был красивым – оранжевым, розовым, с облаками.

- Ты знал, что я упаду в силос? – спросила я.

- Предполагал, - он повернулся ко мне. – Ты очень предсказуема в своей неуклюжести.

- Я не неуклюжая!

- Ты упала с лестницы, упала в сено, упала в силос. Это не случайность. Это стиль жизни.

Я хотела обидеться, но не смогла. Потому что это была правда.

- Ладно, - сказала я. – Но если ты расскажешь кому-нибудь про силос – я убью тебя во сне.

- Обещаю, никому не расскажу, - он поднял руку. – Это будет наша тайна.

- Наша тайна? – я посмотрела на него. В его глазах отражался закат.

- Ну, и доярок. И тети Маши. И дяди Коли. И тех двух парней, которые подвозили сено. И, наверное, телят.

- Ты невыносим!

- Знаю, - он встал и потянулся. – Пойдем ужинать. Завтра снова на ферму?

- Нет! – закричала я. – Никогда!

- А контракт?

- Контракт - да. Ферма – нет.

Он засмеялся. Впервые громко, искренне. Я даже растерялась.

- Ты смешная, когда злишься, - сказал он и ушел в дом.

Я осталась сидеть на крыльце. Закат догорал. Где-то мычали коровы.

Я встала и пошла ужинать.

Завтра будет новый день. И, наверное, новая порция унижений. Но, кажется, я начинаю к этому привыкать.

Даже к запаху.

Глава 16

- Сегодня едем на сенокос, - сказал Александр за завтраком.

Я оторвалась от тарелки с кашей и уставилась на него. На его лице не было и тени улыбки. Он был серьезен, как хирург перед операцией.

- На сенокос? – переспросила я. – Это где косят сено? Сено? То самое, в которое я вчера падала?

- Не совсем, но в принципе да. То самое. – Кивнул он. – На весь день. Мужики будут косить, а ты – готовить обед.

- Я? Готовить? Обед? В поле? – моя голова отказывалась воспринимать информацию.

- Не ты одна. С нами поедут две женщины. Бабка Нюра и девушка Лида, жена Сереги. Они помогут. А ты будешь подмастерьем.

- Я не умею готовить на костре! Я вообще не умею готовить! Я даже омлет чуть не сожгла!

- Научишься, - он встал. – Собирайся. Одевай что-нибудь легкое, будет жарко. И платок от солнца не забудь.

Я посмотрела в окно. Солнце только вставало, но уже чувствовалось, что день будет жарким. Я полезла в свои пакеты и нашла то, что купила на всякий случай: легкое летнее платье. Ситец, в цветочек, рукавчик-фонарик. Оно было про-

стенным, но симпатичным. Деревенским. Я надела его, повязала на голову платочек. Посмотрела в зеркало.

- Настоящая деревенская барышня, - сказала я себе. – Глафира отдыхает.

Кроссовки я решила не надевать – после вчерашнего они еще не просохли и пахли силосом. Обула балетки. Тоже легкие.

Когда я вышла, Александр уже загружал УАЗик. В машине лежали: большой черный котел, пакет картошки, лук, морковка, какая-то крупа в мешочке, буханка хлеба, соль, спички, топор, дрова в ящике, и даже маленький столик-раскладушка.

- Мы на пикник едем или на войну?

- И то, и другое, - ответил он. – Садись.

Мы выехали за деревню. Сначала по гравийной дороге, потом по проселочной, потом по полю. Колеса вязли в траве, УАЗик рычал, как раненый зверь. В кузове грохотали дрова и котелок. Я держалась за поручень и молилась, чтобы мы не перевернулись.

- А где остальные? – спросила я.

- Кто на лошадях, кто на тракторе, кто своим ходом, - ответил Александр. – Сенокос – это как выход на работу. Все свои.

Поле открылось внезапно. Огромное, бескрайнее, зеленое, с волнами травы. Трава была высокой – по пояс, а кое-где и по грудь. Ветер шевелил ее, и она шумела, как море.

- Ничего себе, - прошептала я. – Я никогда не видела настоящего поля.

Александр заглушил мотор.

Мы вышли. Воздух был свежим, пахло разнотравьем, цветами, чем-то сладким. Я вдохнула полной грудью и тут же чихнула – то ли от аллергии, то ли от восторга.

На краю поля уже стояла повозка, запряженная лошадью. Рядом – трактор с телегой. Подъехали еще двое мужиков на мотоциклах с колясками. Постепенно собралось девять мужчин. Все - в рабочих штанах, футболках, в кепках. У многих в руках были косы. Настоящие, длинные, с изогнутыми ручками.

- А где косилка? – спросила я. – Комбайн? Техника?

- Сенокос у нас вручную, - сказал подошедший дед Степан. – Традиция. Раз в год. Мужики мужиками, а косьба – это дело святое.

Я посмотрела на Александра. Он держал косу – самую новую, с блестящим лезвием – и проверял ее пальцем.

- Ты тоже будешь косить? – спросила я.

- А ты думала, я стоять буду? – он усмехнулся.

Кто-то засмеялся.

Женщины приехали чуть позже. Бабка Ньюра – маленькая, сухонькая, с жестким взглядом и авоськой в руке. Ей было лет семьдесят, но двигалась она как ртуть. Рядом с ней шла молодая девушка – Лида, жена Сереги. Лида была милой, с круглым лицом, косичкой до пояса и застенчивой улыбкой.

Она тоже была из города, вышла замуж два года назад и переехала в Задрищенку.

- Привет, - сказала она мне шепотом. – Ты, наверное, удивлена, да? Я тоже первый год офигевала. А теперь привыкла.

- Я пока не привыкла, - призналась я. – И, кажется, не привыкну.

- Привыкнешь, - подмигнула Лида. – Тут знаешь как? Сначала ненавидишь, потом привыкаешь, потом начинаешь любить.

Я хотела спросить, кого? Но не успела – бабка Нюра уже командовала парадом.

- Девки! Хватит лясы точить! Костер разводить! Воду таскать! Картошку чистить! Обед через три часа, мужики голодные!

Я оглянулась. Мужики уже выстроились в ряд на краю поля. Александр встал первым, за ним – дядя Коля, потом Серега, потом дед Степан, потом остальные. Косы блестели на солнце.

И тут все разом взмахнули косами!

Это было красиво. Как танец. Трава ложилась ровными рядами, мужики двигались синхронно, только лезвия свистели в воздухе. Я засмотрелась на Александра. Он работал легко, будто не прилагая усилий. Футболка намочла от пота и облепила спину. Руки двигались плавно, без рывков.

- Эй, городская, не спи! – крикнула бабка Нюра. – Иди

картошку чистить!

Я подошла к месту, где была развернута кухня. Костер еще не развели, но дрова лежали в кучке. Рядом стоял котелок, фляга с водой, пластиковый стол и табуретки.

Лида уже чистила картошку маленьким ножиком, ловко и быстро.

- Садись рядом, - сказала она. – Я покажу.

Я села, взяла картофелину и ножик. Начала чистить. Шкурка слетала толстыми ломтями, картошка уменьшалась на глазах.

- Экономь, - сказала подошедшая бабка Нюра. – Смотри, как Лида делает.

Лида чистила тоненькой змейкой, почти не срезая мякоть. Я попробовала снова – порезала палец.

- Ай!

- Ох, горе луковое, - бабка Нюра вздохнула и протянула мне пластырь. – Платье надела, как на танцы. В поле надо в чем попроще, в резиновых сапогах.

- У меня нет сапог, - сказала я, заклеивая палец.

- У деда Степана есть. У него возьми.

Я представила себя в сапогах деда Степана. 42 размера. И отказалась.

После картошки надо было разводить костер. Это оказалось еще сложнее. Спички гасли, дрова не загорались, дым лез в глаза. Бабка Нюра пыхтела рядом, давая советы:

- Бумагу подожги. Нет, не так. Положи щепки. Щепки го-

ворю! А не поленья!

- Я стараюсь! – прокричала я сквозь дым.

- Старается она, - проворчала старушка, отобрала у меня спички и зажгла костер за три секунды.

- Ка у вас получилось? – спросила я с восхищением.

- Жизнь, милая, - ответила она. – Жизнь научит.

Когда костер разгорелся, Лида повесила котелок на треногу. Вода закипела, мы закинули туда картошку, тушенку, лук, морковку, крупу, соль. Пахло уже едой. Я помешивала длинной ложкой, стараясь не обжечься.

- Смотри, не пересоли, - предупредила бабка Нюра.

- Я не пересолю.

- Ты уже пересолила.

Я попробовала. Действительно пересолила.

- Добавь воды, - вздохнула Нюра.

Мужики косили уже три часа. Солнце поднялось высоко, припекало нещадно. Лида была сосредоточена, бабка Нюра зорко следила за мной. Я чувствовала себя нашкодившей школьницей.

- Катрина, режь хлеб! – командовала Нюра. – Лида, накрывай на стол! Живее!

Мы накрыли складной стол прямо на траве. Тарелки, ложки, хлеб. Я уже нюхала суп – он получился наваристым, картофельным, с запахом дыма.

- Обьедение! – сказала Лида.

- Угу, - промычала я.

Ближе к обеду косьба закончилась. Мужики подошли к лагерю – уставшие, потные, счастливые. Александр шел первым. У него на руке была коса, лицо красное, волосы мокрые.

- Как успехи, повариха? – спросил он, садясь на траву.

- Суп готов, - сказала я. – Не отравитесь.

- Проверим, - он взял ложку и хлеб.

Я налила ему полную миску. Он попробовал.

- Пересолено, - сказал он. – Но съедобно.

- Я знаю, - буркнула я. – Бабка Нюра уже сказала.

Мужики расселись на траве вокруг стола. Ели молча, с апетитом. Кто-то хвалил суп, кто-то просил добавки. Я нали-вала, чувствуя себя хозяйкой огромной семьи.

- Садись, ешь, - сказала Лида, подвигая мне миску. – Ты тоже работала.

Я села. Суп был вкусным. Даже пересоленным – но поче-му-то вкусным. Наверное, потому что я его готовила. На ко-стре. В поле. Для девяти мужиков.

После обеда начался второй акт. Косьба продолжилась, а мы, женщины, мыли посуду. В ведре. Без моющих средств. С золой. Я терла тарелки травой, как учила бабка Нюра, и думала: «Что я здесь делаю? Кто я? Зачем я согласилась на этот месяц?»

- Привыкаешь? – спросила Лида, вытирая ложки.

- Нет, - честно ответила я. – Но, кажется, начинаю пони-мать.

- Понимать – это первый шаг, - улыбнулась она. – А потом – любовь.

- Ты про мужа? – спросила я.

- И про мужа, и про деревню, и про все, - она посмотрела в сторону поля, где косил Серега. – Здесь все честно. Без обмана. Город – он хороший, но там все понарошку.

Я задумалась. Может, она была права.

Ближе к вечеру я уже валилась с ног. Солнце пекло, мужики косили последний участок, а я сидела на траве, прислонившись к колесу УАЗику, и смотрела, как они идут. Ряд за рядом. Александр снова был впереди, коса свистела. Я следила за его движениями, за тем, как он разворачивается, как вытирает пот со лба. И почему-то думала: «Красивый. Зараза».

Когда косьба закончилась, было уже шесть вечера. Трава была уложена в валки. Сено будет сушиться несколько дней, потом его перевернут, потом соберут в стога.

- Все, - сказал Александр, подходя ко мне. – Домой? Ты как?

- Умираю, - ответила я. – Медленно и мучительно.

- Вставай, - он улыбнулся и протянул мне руку.

Я взяла его за руку, он поднял меня, и я чуть не упала – затекла спина.

- Я не чувствую ног, - сказала я.

- Садись в машину.

Он забрался в УАЗик.

Дорога обратно была долгой. Я сидела, закрыв глаза, и чувствовала каждую кочку. Платье прилипло к телу, платок съехал набок.

- Ты сегодня справилась, - сказал Александр неожиданно.

Я открыла один глаз.

- Это комплимент?

- Это констатация факта, - ответил он. – Но если хочешь, считай комплиментом.

- Хочу, - сказала я. – Засчитано.

Он усмехнулся. Я закрыла глаз и задремала под стук ко-

лес.

Дома меня ждала баня. Горячая, как обычно. Я намылилась три раза, смывая с себя запах дыма, пота и травы. Вышла – рухнула на диван.

- Я не встану завтра, - сказала я пустоте.

- Встанешь, - ответил Александр из своей комнаты. – Завтра – стоговать.

- Что?!

- Стоговать. Сено в стога собирать. Ты будешь подавать, я - принимать.

- А можно мне сразу прямо здесь и сейчас умереть, а не дожидаться завтрашнего дня?

Тишина. А потом – его сдавленный голос:

- Спокойной ночи, Катрина.

- Спокойной ночи, - прошептала я.

И заснула с улыбкой.

Глава 17

Ночью я проснулась от того, что кто-то поджег мою кожу. Сначала я подумала, что это ад, куда я непременно должна попасть. Потом – что я умерла и попала в чистилище, где вместо чертей – воспоминания о вчерашнем солнце. А потом я поняла: это ожоги.

Мои плечи горели. Шея – огнем. Спина – как будто ее натерли наждаком и посыпали солью. Даже руки, которые я считала привычными ко всему, выли от боли. Я лежала на диване и не могла пошевелиться, потому что каждый миллиметр тела, соприкасавшийся с пледом, вопил: «Ты дура! Зачем ты вылезла на солнце в платье с открытыми плечами?!»

- А-а-а, - простонала я тихонько, чтобы не разбудить его – причину всех моих бед и несчастий.

Но тихонечко не получилось. Потому что через минуту дверь в его комнату открылась.

- Ты чего? – спросил Александр сонным, недовольным голосом.

Он стоял в дверях, в одних штанах, растрепанный, и щурился на меня, как филин, которого разбудили среди ночи.

- Ничего, - прошептала я, скручиваясь калачиком. – Иди спать.

- Ты ворочаешься как медведь в берлоге. Я через стенку слышу. Что болит?

- Ничего не болит. Все отлично.

- Катрина.

- Что?

- Ты врешь хуже, чем когда пыталась давить на жалость в первый день. Говори.

Я вздохнула. Потому что врать ему было бесполезно. Он видел меня насквозь. Даже в темноте.

- Кожа болит, - сказала я. – Шея, спина, плечи. Как будто меня ободрали и зажарили на медленном огне.

Александр подошел ближе, наклонился и провел рукой по моему плечу. Я взвизгнула – от неожиданности и от боли.

- Не трогай!

- Не кричи, - он включил маленький фонарик, осветил мне в спину и присвистнул. - Ты обгорела. Сильно.

- Я знаю, что сильно, - зашипела я. – Мне больно!

- А кто надевал платье с открытыми плечами на сенокос? – спросил он с ледяным спокойствием.

- А кто не предупредил, что солнце в Задрищенке злее, чем в Сахаре? – парировала я.

- Я предупреждал. Я сказал: «Будет жарко, возьми платок».

- Ты не сказал про крем от загара!

- А ты не спросила.

Я зарычала от бессилия. Он был прав. Опять прав. Ненавижу.

- Лежи, - сказал он и ушел на кухню.

Через минуту он вернулся с миской и ложкой.

- Что это? – спросила я, косясь на белую массу.

- Сметана. Домашняя. Жирная. Лучшее средство от ожогов.

- Сметана?! Ты меня собрался намазывать сметаной? Я не блин тебе!

- Будешь блин, если не прекратишь спорить, - он сел на край дивана, зачерпнул сметану пальцами и, не спрашивая разрешения, начал намазывать мне плечо.

Я вздрогнула. Сметана была холодной, и сначала это показалось пыткой, а потом – благословением. Холод снимал жар, успокаивал кожу, и я невольно выдохнула.

- Еще, - сказала я.

- Молчи, - он мазал дальше. Шею, плечи, лопатки. Я лежала на животе, вцепившись в подушку, и чувствовала его пальцы на своей спине. Аккуратно, нежно, совсем не так, как он вел себя днем. Он был врачом, спасателем, и в его прикосновениях не было ничего, кроме заботы. Ну, почти ничего.

- Шея вся красная, - бормотал он. – Дура. Ну какая же дура.

- Прекрати меня обзывать, - пробурчала я в подушку. – Я и так страдаю.

- Заслужила.

Он намазал мне спину целиком, потом руки до локтей. Сметана впитывалась, и боль уходила. Я чувствовала, как мои мышцы расслабляются, как веки тяжелеют.

- Спи, - сказал он, убираю миску.

- А ты?

- А я пойду отмывать руки. Ты вся в сметане, как новогодний торт.

Я хотела огрызнуться, но не успела – сон свалился на меня, как мешок с картошкой.

Утром меня разбудил петух. И солнечный свет, который теперь казался мне личным врагом. Я открыла глаза – кожа

стянулась, но не болела. Только розовела и слегка чесалась.

- Завтрак на плите. Одевайся лучше, можешь взять мою рубашку. Выходим через полчаса. Поле. Сено. Твоя работа – грабли. – Тут же прозвучала команда. Он вышел.

- Грабли, - простонала я. – Моя жизнь – сплошные грабли.

Я натянула джинсовые шорты (в них хотя бы не жарко), кеды, а сверху... задумалась. Моя кожа все еще была чувствительной, и надевать открытую футболку значило снова обгореть.

И тут я увидела на стуле рубашку. Мужскую, клетчатую, с длинными рукавами. Его рубашку. Я понюхала – пахло деревом и почему-то мятой. Надела – она была огромной, болталась как балахон, но полностью закрывала плечи и руки.

«Спасибо», - мысленно сказала я, хотя он все равно не услышал.

Мы выехали на УАЗике в поле. На заднем сиденье лежали грабли, вилы, какие-то веревки. На прицепе – еще грабли.

- Ты уверена, что поедешь? – спросил Александр, косясь на меня. – Могла бы остаться. Отдохнуть. Ты же обгорела.

- Я не слабачка, - сказала я. – И вообще, контракт на кону.

- Упрямая дура, - сказал он, но в голосе была улыбка.

В поле уже собрались все: мужики с вилами, бабка Нюра с граблями, Лида с огромной шляпой от солнца, дети, которые прибежали просто посмотреть. Сено лежало в валках – длинных рядах подсыхающей травы. Теперь его надо было переворачивать, ворошить, а потом собирать в копны.

- Катрина, возьми грабли! – скомандовал дядя Коля, протягивая мне деревянные грабли с длинными зубьями. – Будешь сгребать сено в кучи. Смотри, как я делаю.

Он показал: загребаешь, поднимаешь, переворачиваешь. Просто. Я повторила.

Первая минута: грабли застряли в земле. Я дернула – они не вылезали. Дернула сильнее – вылетели и чуть не приложили меня по лбу.

- Осторожнее! – крикнул Александр откуда-то издалека. Он работал вилами, перекидывая огромные охапки сена.

- Я осторожная! – крикнула я в ответ и тут же наступила

на грабли другой ногой.

Зубья впились в траву, и я чуть не упала лицом в сено.

- Осторожная, как слон в посудной лавке, - сказал подошедший дед Степан. – Давай, милая, я покажу.

Он поправил мои руки, показал наклон, и дело пошло. Сено поддавалось, я сгребала его в небольшие кучки, потом приходил кто-то из мужиков и вилами перекидывал их в общую копну.

Работа была однообразной. Солнце уже припекало, но рубашка спасала. Я чувствовала себя завернутой в чужую жизнь. Пахло травой, потом, счастьем. Да, счастьем. Потому что я, Катрина Ковальчук, переговорица из Москвы, сейчас работала граблями в поле. И мне это нравилось.

Но нравилось не все. Потому что Александр, зараза, не упускал случая подколоть.

- Катрина, у тебя куча кривая! – крикнул он, проходя мимо.

- У тебя самого куча кривая! – ответила я.

- Моя куча идеальная. Я профессионал.

- Ты профессионал по выведению меня из себя!

Лида, работавшая рядом, хихикнула.

- Вы как кошка с собакой, - сказала она.

Я покраснела. И не только от солнца.

К обеду мы сделали огромную копну. Сено возвышалось как гора, и мужики забирались наверх – утрамбовывать ногами. Дед Степан, которому было за семьдесят, запрыгнул на стог как молодой. Александр прыгнул за ним. Я смотрела снизу и думала: «Они сумасшедшие».

- Катрина, давай к нам! – крикнул Александр сверху.

- Я не полезу!

- Боишься?

- Я не боюсь!

- Давай!

Я полезла. Вверх по сено – скользко, неудобно. Моя нога провалилась, я ухватилась за солому, подтянулась. Александр протянул руку, я взялась, и он одним рывком втащил меня наверх.

Мы стояли на вершине стога. Ветер дул в лицо, сено колосилось. Я посмотрела вниз – люди казались маленькими, поле – бескрайним.

- Красиво, - сказала я.

- Да, - сказал он и посмотрел на меня так, что у меня ёкнуло в груди.

- Не смотри на меня так, - сказала я.

- Как?

- Как будто...

Я не успела ответить. Потому что деду Степан, который стоял рядом, потерял равновесие, задел меня, и я полетела. Вниз, в сено, кубарем, с криком «а-а-а!».

- Опять! – заорал Александр и прыгнул за мной.

Мы приземлились в кучу сена внизу – я на спине, он на мне. Надо мной было его лицо, его глаза, его дыхание. Сердце колотилось как бешеное.

- Ты жива? – спросил он.

- Не знаю, - ответила я. – Проверь.

Он не проверил. Он откатился в сторону и встал. Я осталась лежать с сеном в волосах, с его рубашкой, задранной до пояса.

- Ну вы даете! – засмеялся дядя Коля. – Прямо как в кинe!

- Молодежь, одно слово! – сказала бабка Нюра.

Я вскочила, отряхнулась. Лицо горело. И дело было не в солнце.

До вечера я работала как проклятая. Граблями, вилами, даже пыталась таскать сено за мужиками. Мои руки покрылись царапинами, в кеды набилась трава, в шортах застряли колючки. Но я не сдавалась.

Перед закатом стог был готов. Огромный, красивый, как маленький дом из сена. Все стояли вокруг, усталые, потные,

счастливые.

Я повалилась на сено, раскинув руки. Рубашка задралась, шорты сбились, сено лезло за пазуху.

- Я умираю. Прямо здесь. На этом стогу.

- Поехали. Потом умрешь. – Сказал Александр и направился к машине.

Мы поехали домой. Сзади грохотали вилы и грабли, впереди садилось солнце, а я сидела, закрыв глаза, и чувствовала, как каждый мускул моего тела прощается со мной.

- Завтра будет больно, - сказала я.

- Завтра будет еще больнее, - пообещал он. – Но ты справишься.

- Откуда ты знаешь?

- Потому что ты упрямая дура.

- Это не комплимент.

- А я и не делал комплиментов.

Я улыбнулась. Потому что в его голосе я услышала то, что он не сказал: «Ты справишься. Я в тебя верю. Ты сильная». Или мне показалось.

Глава 18

Утро началось с того, что я проснулась и поняла: воняю. Нет, серьезно. Я понюхала себя – пахло сеном, потом, вчерашней сметаной и чем-то еще, что я идентифицировала как «после трех дней ада». Мои шорты были в зеленых пятнах, футболка причала о помощи в прямом смысле, а любимая рубашка Александра, в которой я ходила вчера, выглядела как тряпка, которую жевала корова и выплюнула.

- Так, - сказала я себе. – Сегодня стирка. Или я умру в этой грязи.

Александр уже сидел за столом и пил чай. На мне были пижамные шорты с ананасами и майка, волосы собраны в пучок.

- Ты сегодня какая-то решительная, - заметил он, оглядывая меня.

- Сегодня я буду стирать, - торжественно объявила я. – Всю одежду. И постельное белье. И твою рубашку. И вообще все, что не приколочено.

Он допил чай, встал и сказал:

- Хорошо. Тогда я затоплю баню. У нас стирка вручную. Ты когда-нибудь стирала в корыте?

- Я стирала в машинке. С кнопкой «деликатная стирка».

- Ну, сегодня у тебя будет кнопка «ручная стирка».

Он ушел топить баню, а я осталась собирать вещи. Гора белья выросла до небес: мои шорты, футболки, платье, которое после сенокоса можно было нести в музей, нижнее белье, простыни, наволочки, плед, в который заворачивалась по ночам, и даже несколько полотенец.

- Ты собралась стирать или переезжать? – спросил Александр, заглянув в комнату.

- И то, и другое, - сказала я, сваливая гору на плечи. По пути потеряла пару носков.

Баня была уже жаркой. В предбаннике стояли два огромных корыта – одно для стирки, другое для полоскания. Рядом – ведро с горячей водой, ведро с холодной из колодца, кусок хозяйственного мыла, стиральная доска (я видела такую только в фильмах про войну) и деревянная колотушка.

- Что это? – спросила я, показывая на колотушку.

- Это чтобы бить белье, - серьезно ответил Александр. – Или себя.

- Остроумно, - сказала я. – Ладно, давай инструктаж.

- Наливаешь горячую воду в первое корыто, добавляешь холодную, трешь мыло на терке (вот она), потом кладешь белье, трешь его руками, моешь, трешь еще раз, потом полощаешь во втором корыте, потом отжимаешь, потом вешаешь на веревку. Поняла?

- Поняла, - кивнула я, хотя в голове была каша из мыла, воды и отчаяния.

Он вышел, а я начала. Налила воду – горячую, холодную, смешала. Потерла мыло на терке – мыло крошилось и отказывалось растворяться. Закинула первую партию – свои шорты. Схватила стиральную доску и начала тереть. Раз, два, три – пена пошла, но не такая белая и пушистая, как в рекламе о стиральных порошках, а серая, с частичками сена.

- Не фонтан, - сказала я себе. – Но хоть что-то.

Пока я терла, пот градом катился по лицу. Баня была жаркой, вода горячее, а я чувствовала себя как белье – выжатой и несчастной. После стирки я переложила шорты во второе корыто, налила холодной воды, выполоскала. Вода стала мутной. Пришлось полоскать трижды.

- Мне нужна еще вода! – крикнула я.

Александр принес два ведра. Посмотрел на мои старания, покачал головой:

- Ты трешь слишком сильно. Порвешь.

- Я не порву, - сказала я, и в этот момент шорты издали звук, похожий на треск. На них появилась маленькая дырочка.

- Я же говорил, - он улыбнулся.

Следующими были футболки, потом платье, потом нижнее белье. Вот тут начался цирк.

Мое нижнее белье – маленькое, кружевное, разноцветное – лежало в корыте как стайка экзотических рыбок. Я стирала его бережно. Полоскала, отжимала, складывала в тазик.

- Все, - сказала я, выходя на улицу. – Постирала. Теперь вешать.

Александр уже натянул веревку – длинную, через весь двор, от крыльца до забора. Любопытные куры с интересом наблюдали. Я начала развешивать. Сначала шорты, потом футболки, потом платье (оно повисло как привидение), потом постельное белье – простыни полоскались на ветру как паруса.

- Трусы куда? – спросил Александр, кивая на тазик.

- Трусы я повешу на веревку, как все нормальные люди, - сказала я, беря кружевные розовые трусики.

- Только не к забору, а то дед Степан увидит – инфаркт получит, - усмехнулся он.

- А куда?

- Вон туда, на солнце, - он показал на середину двора.

Я повесила трусики на веревку. Они колыхались на ветру, ярко-розовые, красные, голубые, кружевные, совершенно неприличные для деревенского пейзажа. Рядом с ними повисли мои лифчики – бежевый, черный, с кружевами.

Я повесила последнюю пару трусиков – крошечные, стринги, цвета фуксии. И тут подул ветер. Сильный, порывистый, будто сама природа решила пошутить. Трусики фуксии оторвались от веревки и полетели. Сначала в сторону огорода, потом перелетели через грядки, потом через забор.

- Нет! – заорала я и побежала за ними.

Трусики летели как птица, которую выпустили на свободу. Я бежала по огороду, перепрыгивая через кусты, шлепая босоногая. Трусики приземлились на забор, задержались на секунду, и ветер подхватил их снова – прямо во двор к соседям. К Васильевне и Глафире.

Я влетела в их калитку без стука. Бабушки сидели на лавочке и пили чай. А у ног Васильевны лежали мои трусики. Я хотела провалиться сквозь землю.

- Ой, милая, - сказала Васильевна, поднимая трусики двумя пальцами. – Твои что ль?

- Мои, - прошептала я, забирая их.

- Красивые, - сказала Глафира. – Только маленькие больно. Не жмут?

- В самый раз, - сказала я и выбежала со двора, красная как помидор.

Александр стоял у крыльца и держался за живот. Он смеялся. Он ржал как конь. Открыто, громко, беззастенчиво.

- Ты видел? – закричала я. – Они улетели к бабкам!

- Видел, - вытер слезы он. – Это было самое смешное, что я видел в жизни.

- Ничего смешного! – я швырнула трусики в тазик. – Все, хватит. Дальше я стираю плед.

Плед был огромным, шерстяным, тяжелым. Я замочила его в корыте, намылила, попыталась тереть – ничего не получилось, плед не гнулся.

- Помоги! – попросила я Александра. – Выжать помоги.

Он подошел, засучил рукава. Мы взялись за плед с двух сторон и начали выкручивать. Плед не выкручивался, зато вода лилась ручьями на наши ноги.

- Сильнее! – скомандовал он.

- Я стараюсь! – мои пальцы побелели.

- Не так, - он передвинул руки, я споткнулась о край корыта, потеряла равновесие и... плюхнулась прямо в корыто. В грязную, мыльную воду, вместе с пледом.

Я сидела в корыте, мокрая с головы до ног, с мыльной пеной на лице, и смотрела на него. Он смотрел на меня. Секунда тишины. Потом он засмеялся так, что согнулся пополам.

- Да чтоб тебя! – заорала я, вылезая из корыта.

Вода текла с меня ручьями. Моя пижама прилипла к телу. Ананасы на шортах расплылись в мыльных разводах.

- Я тебя убью!

- Не я же тебя толкал! – он держался за сердце. – Ты сама упала!

- Ты виноват! Ты всегда виноват! – я схватила ведро с ледяной водой, которое стояло рядом для полоскания, и вылила его на Александра. Все. Целиком. С головы до ног.

Он замер. Вода стекала по его волосам, по лицу, по фут-

болке. Он был похож на утопленника. Только глаза горели, как угли.

- Ну все, - сказал он тихо.

- Что «все»? - спросила я, делая шаг назад.

Он схватил второе ведро – такое же полное – и вылил на меня. Ледяная вода обожгла кожу. Я взвизгнула так, что куры разбежались, а соседская собака залаяла.

- Ты... ты... - я задыхалась от холода и возмущения.

- Что я? – он стоял, мокрый, счастливый, с улыбкой победителя.

- Ты козел!

- А ты мокрая курица!

Мы стояли друг напротив друга, оба мокрые, оба злые, оба смеющиеся сквозь злость.

Я хотела ответить, но не нашла слов.

Кое-как мы выжали плед, вдвоем, уже без драк, развесили

его на веревку. Он повис как огромный намокший зверь. Я повесила свои трусики (на этот раз прищепками, чтобы не улетели), лифчики и носки.

Двор превратился в филиал химчистки. Все висело: одежда, постельное, плед, полотенца. Прямо как в итальянских дворах.

Мы сели на крыльцо, оба мокрые, уставшие, и пили чай из кружек. Солнце уже грело всю, сушило наши волосы.

Мы молчали. Птицы пели. Ветер колыхал развешанное белье. Мои розовые трусики снова дернулись, но прищепки держали крепко.

После того как мы развесили белье, вода высохла на нас, а чай был допит, солнце начало клониться к закату. Я сидела на крыльце, смотрела на длинные тени от забора и чувствовала, что день еще не кончился. Есть что-то, что я должна сделать.

- Что там у нас по расписанию? – спросила я Александра, который мыл кружки у рукомойника.

- Огород, - сказал он, вытирая руки. – Поливать. Теплицу. И собрать овощи к ужину. Я пока картошку нажарю.

- Ты умеешь жарить картошку? – мой вопрос больше прозвучал как издевка, нежели просто вопрос.

- Умею, - привычно ответил он.

Я взяла лейку (ту самую, тяжёлую, с которой мучилась в первый день) и пошла в огород. Солнце уже не пекло, а ласково гладило по плечам. Моя обгоревшая кожа под его рубашкой благодарно вздохнула.

Поливать было приятно. Вода из бочки нагрелась за день, стала теплой. Я ходила между грядками, лила под корни помидоров, огурцов, перцев. Кусты благодарно шумели листьями. Я чувствовала себя садовницей из старых фильмов – в огромной клетчатой рубашке, с лейкой, на закате.

- Растете? – спросила я у огурцов.

Огурцы молчали, но висели на плетях зеленые, пупырчатые, явно довольные жизнью.

Потом я пошла в теплицу. Там было душно, пахло помидорами и землей. Я поливала каждый куст, потом нарва-

ла огурчиков – пять штук, помидоров – горсть черри и два крупных, красных как мои щеки после бани, пучок укропа и петрушки.

- Ужин будет с салатом, - сказала я себе довольно.

Когда я вышла из теплицы, услышала из хлева голоса. Дед Степан возился с коровой – подоил, наверное. Я заглянула в щель: он сидел на табурете, доил Буренку в ведро, и что-то мычал себе под нос. Я не стала мешать.

Я понесла овощи в дом. Александр уже жарил картошку на печке – на большой чугунной сковороде, с луком и, кажется, с салом. Запах стоял такой, что у меня потекли слюнки.

- Я принесла салат, - сказала я, выкладывая овощи на стол.

- Молодец, - сказал он, не оборачиваясь. – Мой, режь. Заправь сметаной. В погребе есть.

Я вымыла помидоры, огурцы, зелень. Нарезала крупно, как он любил (я уже заметила), положила в миску, посолила, заправила сметаной. Картошка зашипела на сковороде, я накрыла на стол – тарелки, вилки, хлеб, масло.

В этот момент за окном показалась Лида. Она шла со сто-

роны деревни, с корзинкой в руке.

- Катрина, привет! – крикнула она. – Ты занята?

- Да нет, заходи! – я вышла на крыльцо.

Лида подошла ближе, застенчиво улыбнулась.

- Я хотела спросить... Завтра утром мы с девчонками идем в лес за земляникой. Ягоды, говорят, нынче много. Ты с нами? Будет весело.

- Земляника? В лесу? – я представила себя, ползающую по кустам. – А в лесу не страшно?

- Страшно, но вкусно, - засмеялась Лида. - Мы с восьмью утра, у церкви. Приходи, если хочешь. Бабки тоже пойдут, но ты не бойся, они только на вид строгие.

- Я уже привыкла к строгим, - вздохнула я. – Ладно, приду. Спасибо, что позвала.

Лида ушла, махнув на прощанье. Я вернулась в дом.

- Кто это был? – спросил Александр, выкладывая картошку на блюдо.

- Лида. Зовет завтра за земляникой. В лес. С утра.

Он поднял бровь.

- Ты пойдешь?

- А почему нет? – я села за стол. – Мне тут месяц торчать, надо пользоваться моментом. В Москве земляника стоит как крыло самолета.

- Не крыло, - улыбнулся он. – Ну, иди. Все равно я завтра уезжаю.

Я замерла с ложкой в руке.

- Уезжаешь? Куда?

- В город. На УАЗике. Дела. Вернусь к вечеру, - он наложил себе картошки. – Ты без меня справишься?

- Я всегда без тебя справляюсь, - сказала я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. – И вообще, я буду в лесу. С ягодами. Что может случиться?

- Не заблудись.

- Не заблужусь.

Мы поужинали. Картошка была хрустящей, салат – свежим, хлеб – мягким. Я ела и думала: он уезжает. Хорошо. Отдохну от его команд. Но почему-то внутри было пусто. Как будто отменили важную встречу.

- Я посуду помою, - сказала я, вставая.

- Оставь, - он убрал тарелки. – Ты сегодня стирала, падала, поливала. Иди отдыхай.

Я вышла на крыльцо. Села на ступеньку, обхватила колени руками. Закат уже догорал, небо было оранжевым, розовым, фиолетовым. Звезды начали проступать, одна за другой. Где-то ухал филин. Лаяла собака. Вдали мычала корова – прощалась с днем.

Было тихо. Не городская тишина, с гулом машин и криками соседей, а настоящая, глубокая, как колодец. Я слышала, как дышит земля. Как шелестит листва на яблоне. Как потрескивает засыпающая печка.

Потом солнце село. Небо стало темно-синим, почти черным, по краям – багровым. Звезды уже зажглись, яркие, как

будто их специально начистили. Я сидела на ступеньке и слушала. Сверчки стрекотали. В далеком болоте квакали лягушки – так дружно, будто у них репетиция хора. Пахло ночной свежестью, скошенной травой и чуть-чуть дымком – видимо, соседи жгли костер.

Я сидела и думала: «А ведь хорошо. Тишина, звезды, даже сверчки не бесят. И он внутри, в доме, газету читает. И мы не ругаемся. Хотя нет, ругаемся. Но это тоже как-то... по-домашнему».

Потом встала, потянулась – хрустнула спиной, - и пошла в дом. Проходя мимо его двери, прислушалась. Тишина. Спит. Или притворяется.

Легла на диван, укрылась пледом (который успел высохнуть), и закрыла глаза. Перевернулась на бок, подоткнула плед и заснула под сверчковый оркестр.

Глава 19

Утром я проснулась с мыслью: «Сегодня я буду есть землянику. Свежую, лесную, сладкую. И никто мне не помешает». Ни Александр ((он уже уехал в город, и УАЗика под окном не было), ни петух (который, видимо, взял выходной), ни моя собственная неуклюжесть. Я была полна оптимизма.

Оделась по-походному: легкое ситцевое платье, белый платочек от солнца, кеды и взяла маленькое эмалированное ведро, которое нашла в сарае. Ведро было голубое, с отколотой эмалью, но очень симпатичное. Я чувствовала себя героиней фильма про деревенскую идиллию.

В восемь утра я уже была у церкви. Золотые купола блестели на солнце, и я в который раз подумала: «Как странно – церковь в такой глуши, но какая красивая». Под березами уже толпился народ. Бабушки – с корзинками и бидончиками, Лида – с большим пластиковым ведром, еще несколько женщин – тетя Маша с фермы и еще одна молодая девушка, Катя, которая работала в сельской библиотеке.

- О, Катрина пришла! – обрадовалась Лида. – А мы тебя ждали. Пойдем, тут недалеко, километра два.

- Два километра – это недалеко? – спросила я с сомнением.

- Для земляники – да, - сказала бабка Ньюра, та самая, строгая, которая командовала на сенокосе. – Ты, городская, не жалуйся. Наши девки и по пять километров ходят.

- Я не жалуясь, я уточняю, - ответила я и пошла вперед, чтобы не показывать слабину.

Тропинка вела за деревню, вверх по пригорку, потом вниз, к речке, потом снова вверх, в лес. Березы и сосны стояли по сторонам, трава была по пояс, и вся она цвела. Я шла и вдыхала. Запахи – не передать. Пахло мятой, медуницей, разогретой хвоей и чем-то еще сладким, неуловимым.

- Чем это пахнет? – спросила я Лиду, идущую рядом.

- Земляникой, - ответила та. – Она еще до того, как ее найдешь, воздух пропитывает.

Солнце поднималось выше, но лесная тень спасала. Ветер шевелил листья, и они шептались, как заговорщики. Где-то стучал дятел. Птицы пели на все голоса – от тоненьких писклявых до раскатистых соловьиных трелей. Я чувствовала се-

бя частью этого мира. Не наблюдателем, а частью. И мне это нравилось. Через полчаса мы вышли на поляну. Поляна была огромной, солнечной, вся в белых и желтых цветах. А земляника... земляники было море. Ягоды краснели в траве, как маленькие фонарики, прятались под листьями, выглядывали на пригорках.

- Вот она, родимая, - сказала бабка Нюра и опустилась на корточки. – Ну, девки, начали.

Я тоже присела. Первая ягодка – маленькая, темно-красная, пахнувшая так, что у меня закружилась голова. Я отправила ее в рот. Сладкая, с кислинкой, тающая – в Москве такую не купить за все деньги.

- Боже мой, - сказала я с набитым ртом.

Мы собирали молча, сосредоточенно. Пальцы быстро находили ягоды, клали их в ведра и корзинки. Я старалась не давить, не смешивать с листьями. Через час у меня было уже на доньшке. Через два – почти половина ведра.

Бабушки разговорились. Сначала о погоде, потом о коровах, потом, незаметно, о войне.

- Я тогда маленькая была, - начала бабка Нюра, не подни-

мая головы. – Год сорок первый. Немцы пришли – нам лет семь было. Отец ушел на фронт, мать с нами осталась. Мы в лесу прятались, землянику вот так же собирали, но не есть – на продажу. На хлеб меняли. Один сухарь на ведро.

- А мы в эвакуации были, - подхватила Васильевна. – В Сибири. Там земляника не такая сладкая, как здесь, зато крупная. Я мать вспоминала, как она варила варенье и прятала под кровать, потому что мы, дети, все съедали тайком.

Я слушала и забыла про ягоды. Руки двигались сами, а мысли были там – в сорок первом, в сорок пятом. Какими они были маленькими, голодными, но живучими. А теперь сидят на поляне, собирают землянику, смеются.

- А вы не боялись? – спросила я тихо.

- Войны? – бабка Нюра подняла голову. – Боялись. А кто не боится? Но надо было жить. Вот мы и жили. И землянику собирали. И замуж выходили. И детей рожали. И теперь внуков нянчим.

- И правнуков, - добавила Васильевна. – У меня их четверо.

Я смотрела на их морщинистые лица, на быстрые, умелые

пальцы, и думала: «А я бы смогла так? Выжить, не сломаться, сохранить доброту?». Наверное, да. Наверное, это у меня в крови – от них, от тех, кто собирал землянику под бомбежками.

- Не кисни, городская, - сказала бабка Нюра, заметив мои глаза. – Война кончилась. Теперь мир. Давай ягоды собирай, а то опоздаем.

К обеду мое ведро было полное. Ягоды лежали ровным слоем, красные, пахнущие летом. Я с гордостью показала Лиде.

- Ого! – сказала та. – А ты быстрее, чем я думала.

- Стараюсь, - скромно ответила я.

Мы расселись на траву, достали хлеб, кто-то – молоко в бутылке, кто-то – вареные яйца. Бабка Нюра посмотрела на мое ведро и сказала:

- Еще землянику с молоком. Самое полезное. И вкусное.

- А где взять молоко? – спросила я.

Васильевна протянула мне бутылку. Я налила в кружку,

бросила горсть ягод. Я попробовала – и чуть не застонала от удовольствия.

- Это рай, - сказала я.

- Рай – это когда ведро полное и молоко свежее, - кивнула бабушка Нюра. – А так – просто земляника.

После обеда мы собрались назад. Ведерко у меня было тяжелым, но я несла его с гордостью. На прощание бабушки подарили мне пучок травы – мяты и зверобоя – «чтобы чай пить и не болеть».

Я уже почти вышла из леса, как увидела полянку с цветами. Ромашки, колокольчики, васильки. Красота.

- Я сейчас, - сказала я Лиде. – Нарву букет, и пойдем.

- Не задерживайся, - сказала Лида и пошла вперед.

Я наклонилась, чтобы сорвать особенно красивый колокольчик. И тут – БАМ! Что-то врезалось мне в щеку. Яркая вспышка, острая боль, и сразу – жжение. Я заорала.

- А-а-а!

Пчела. Пчела сидела на моем цветке, я ее не заметила, и она, видимо, решила защищать свою собственность. Теперь она улетела, а я осталась с жалом в щеке.

Я вытащила жало (вспомнив, что надо не давить, а выскребать – спасибо интернету), но было поздно. Щека начала опухать. Сначала чуть-чуть, потом сильнее, потом так, что я почувствовала, как кожа натягивается.

- Лида! – закричала я. – Лида!

Она прибежала, посмотрела на меня и охнула.

- Ой, Катрина... у тебя лицо...

- Что с лицом? – я потрогала щеку. Она была горячей и огромной. Я чувствовала её кончиками пальцев – она выпирала, как половина теннисного мяча.

- Пошли быстрее домой, - Лида взяла меня за руку. – И не трогай.

Мы шли по тропинке. Я чувствовала, как распухает не только щека, но и веко, и губа. Я стала похожа на человека, который три дня пил самогон и спал лицом в крапиву.

- Я страшная? – спросила я.

- Ты красивая, - неуверенно сказала Лида. – Но давай, молчи, а то язык распухнет.

Остаток пути я молчала. Бабушки, которые шли впереди, оглядывались, качали головами и давали советы:

- Петрушкой приложи.

- Содой.

- Холодный компресс.

- Бегу к Сашке, он знает.

- Его нет, он уехал, - сказала я искаженным голосом.

- Тогда к нам, - сказала бабка Нюра. – У меня настойка есть.

- Спиртовая? – спросила я.

- А какая ж еще?

Я отказалась. Лида довела меня до дома, усадила на

крыльцо, принесла холодной воды из колодца и тряпку.

- Приложи, - сказала она. – И сиди. Он скоро придет. – Лида посмотрела на небо. – Я побегу, а ты не паникуй. Все пройдет.

Я сидела на крыльце, прижимая к лицу мокрую тряпку, и чувствовала, как опухоль растет. Теперь у меня закрылся один глаз. Я щупала лицо – оно было твердым, как переспелая груша. В зеркало я не смотрела. Боялась.

- Ну, здравствуй, Катрина, - сказала я себе. – Ты хотела деревенской идиллии? Получи. Укус пчелы, опухшее лицо и ведро земляники. Прекрасное завершение дня.

Солнце уже садилось, когда я услышала знакомый гул. УАЗик подъехал к крыльцу, заглох. Дверца открылась. Вышел Александр. Посмотрел на меня. Я сидела обложенная тряпками, с лицом размером с арбуз, с одним открытым глазом, в платочке, который съехал набекрень.

Он молчал. Я ждала, что он засмеется. Он должен был засмеяться. Обязан. Потому что я выглядела как чучело, как хомяк с перепугу, как персонаж из комедии.

Но он не засмеялся.

- Пчела? – спросил он.

- Пчела, - прошептала я. – Или оса. Я не разобрала. Быстро очень было.

Он подошел, осторожно отвел мокрую тряпку, осмотрел мое лицо. Провел пальцем по опухшей щеке – не больно, даже приятно, потому что пальцы были холодные.

- Сильная реакция, - сказал он. – Ты раньше на укусы так реагировала?

- Не знаю. Меня пчелы не кусали. Я же в Москве живу.

- В Москве тоже пчелы есть.

- Но они воспитанные, - сказала я. – А эта – дикая деревенская.

Он ушел в дом, через минуту вернулся с аптечкой и пакетом замороженных овощей. Горошек, кажется.

- Держи, - он приложил пакет к моей щеке. Горошек был холодным, и боль начала отступать. – Так держи, не убирай.

Он достал из аптечки какое-то зеленое стекло, протер спиртом, смазал мне щеку. Пахло ментолом и чем-то еще, горьким.

- Что это? – спросила я.

- Ты заботишься обо мне? – удивилась я.

- Нет, - он убрал аптечку. – Мне просто не нужен труп на крыльце.хлопотно хоронить.

- Ты мог бы просто сказать «да».

- А ты могла бы не лезть к цветам с закрытыми глазами.

- Я не закрытыми... - начала я, но он перебил.

- Сиди смирно. Через час опухоль начнет спадать. К утру будешь похожа на человека. Ну, почти.

Он сидел рядом, на крыльце. Пакет с горошком я держала сама. Мы молчали. Солнце село, звезды зажглись. Сверчки стрекотали как обычно.

- Александр? – сказала я.

- М-м?

- Почему ты не смеешься?

Он повернулся ко мне. В темноте его глаз было не видно, но я чувствовала, что он серьезен.

- Потому что тебе больно. Смеяться над чужой болью – это не смешно, а глупо.

- А над моими трусами, которые улетел, - это было смешно?

- Нашла что сравнить. Трусам было не больно, и тебе тоже.

- Ну, не знаю, - я попыталась улыбнуться, но губа не слушалась. – Ты заставлял меня грядки копать, красить забор, в сено падать. Это было больно.

- Это было полезно. Не спорь. Выпей таблетку, - он протянул мне маленькую белую таблетку и кружку с водой. – От аллергии.

Я выпила. Съела. Потом достала из ведра горсть земляники и сунула в рот.

- Будешь? – предложила ему с набитым ртом.

- Давай.

Я протянула горсть. Он взял, положил в рот.

- Вкусная, - сказал он.

Мы сидели рядом, ели землянику. Звезды падали. Сверчки стрекотали.

- Пора спать, - сказал он, поднимаясь, и протянул мне руку.

Я взяла его руку и тоже поднялась.

- Угу, - устало вздыхаю.

Завтра новый день. Завтра новые приключения. Черт возьми.

Глава 20

Я проснулась от того, что мой левый глаз отказался открываться. Сначала я подумала, что просто слипается – ну бывает, после сна. Потерла рукой. Не помогло. Потрогала веко – оно было твердым, горячим и выпуклым, как маленькая подушка.

- Нет, - прошептала я и села на диване.

В зеркале отразилось нечто. Не я. Кто-то другой. У этого кого-то была перекошенная физиономия, левая щека размером с кулак, правый глаз щурился от ужаса, а левый заплыл так, что я видела только узкую щелочку.

- Мамочка, - сказала я. – Я похожа на хомяка, которого перекормили.

Вся надежда была на Александра. Он же обещал, что к утру спадет. Ну «к утру» - это сейчас. А оно не спало. Оно торжествовало. Моя щека жила своей жизнью и, кажется, собиралась завоевать мир.

Я вышла в зал. Александр уже сидел за столом, посмотрел на меня, и – о чудо! – снова не засмеялся. Но я видела, как дернулся уголок его губ.

- Не смей, - предупредила я, прикрывая щеку рукой. – Даже не думай.

- Я ничего, - сказал он слишком спокойно. – Ты выгля-

дишь... симпатично.

- Симпатично?! У меня лицо как у боксера после нокаута!

- Ну, боксеры обычно красивее, - он отхлебнул чай. – Но ты держись.

Я села за стол, налила себе чаю, попыталась взять печенье – левый глаз не видел край тарелки, и печенье упало на пол.

- Черт! – я полезла под стол.

- Не нервничай, - сказал он. – Отек спадает не сразу. К вечеру будет лучше.

- К вечеру?! А что мне делать до вечера? Сидеть в темной комнате и пугать местных кошек?

- Можешь убираться. Или приготовить обед. Мне хочется борща.

- Я не умею готовить борщ!

- А я тебя научу, - он встал, убрал кружку. – Н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.